

Драко

Закон сохранения жизни

Научно– фантастическая повесть

Запах крови дурманит разум. Я ещё жив. Разве они не видят, что я живой? Я подвешен на крюк, вокруг – спереди, сзади, снизу – тела, тела, тела. Я узнаю их. Это мои братья и сёстры. Они мертвы, их плоть вспорота пилами, шеи разрублены. Скоро настанет моя очередь.

Тележка со скрипом едет по ржавым от крови рельсам. Я покачиваюсь на крюке. Удивительно, почему нет боли. Скосив глаза, я вижу, что у меня пробита грудь и крюк зацеплен за оголённые рёбра. Чувствую тепло от крови, она струится вниз, по крыльям, капает на пол. Боли нет. Я слышу, как останавливается моё сердце.

Почему они убивают нас? Ведь мы живые. Мы тоже умеем радоваться свету, любить, мечтать и верить в счастье. Я не хочу умирать. Не хочу висеть, покачиваясь на крюке, не хочу, чтобы моё тело положили на стол и разрезали дисковыми пилами. Тележка, скрипя, продолжает свой путь.

Медленно приходит боль. Сердце давно остановилось, но боль продолжает расти. Не от ран; от несправедливости. Мне больно. Я не могу смотреть, как режут тела моих братьев. Хочу закрыть глаза. Тележка вздрагивает на стыке рельсов, крюк впивается глубже. У меня нет слёз. Я не могу даже плакать. Почему они убивают нас?

Меня кладут на мокрый железный стол. Чувствую вибрацию; пила делает первый разрез. Вижу, как цепляют крючьями мои отсечённые крылья, их оттаскивают в угол цеха, на гору таких же. Кровавая дорожка указывает путь.

Пила отрезает мне ноги. Рабочий с багром, в грязном зелёном балахоне, вскрывает мою грудь, отворачивает плоть в сторону. Другой рабочий специальным лезвием вырезает сердце и бросает в полиэтиленовый пакет. Здесь много таких пакетов.

Вибрация усиливается: пила проходит сквозь шею. Позвоночник не успевает хрустнуть, сталь отлично заточена. Мир кувыркается в глазах.

Уборщица в сером фартуке поднимает мою голову и несёт в сторону, к бочкам, где лежат останки моих братьев. Вижу чёрный брезентовый мешок. Меня бросают туда.

Темнота.

Глава 1

Проснувшись, Волк Аррстар долго смотрел в потолок. В глазах стояли слёзы, по жилам разливался холодный страх. Этот кошмар преследовал его много лет.

Сердце гулко колотилось о рёбра; сегодня оно болело сильнее обычного. Нелепая, бессмысленная горечь терзала разум, в груди чувствовалась пустота. Волк сел, обхватив себя крыльями.

– За что?.. – прошептал он. Стиснул виски, зажмурился. Рядом зашевелилась Флэр.

– Волчонок? – она приподнялась. – Что случилось?

– Ничего, – Волк опустил голову. Боль в груди не унималась. – Флэр, дай мне что–нибудь от сердца.

Она рывком села.

– Снова этот сон?

– Да.

Волк обратился к подруге глаза, полные слёз.

– Я не понимаю... – голос сорвался. – Почему он преследует меня? Ведь этого никогда не было. Этого кошмара не было, я знаю, такого не может быть, не должно...

Флэр уже вытащила из ящика упаковку дремия.

– Выпей, – она протянула мужу таблетку. – Боль пройдёт.

Волк машинально проглотил лекарство. Флэр придвинулась, обняв его крыльями.

– Так нельзя, – шепнула она с любовью. – Так нельзя, Волчонок. Нельзя воевать с призраками. Они бесплотны, их нет. В тебе до сих пор жива память о Ринне...

Волк крепче обнял подругу.

– Знаю, – ответил он едва слышно. – Знаю.

– Любимый, прошло почти три века. Двести девяносто лет. Нельзя мучить себя так долго.

Волк горько улыбнулся.

– Думаешь, я не понимаю? – нежно лизнув подругу, он выпустил её из объятий. – Спи, любимая. Я поднимусь в купол.

Флэр попыталась возразить, но Волк приложил к губам крыльевой коготь.

– Я теперь всё равно не усну, – он встал. Закрывая двери, услышал, как Флэр тяжёло вздохнула.

В коридоре было тихо. Мягко горели старомодные бело– жёлтые плафоны, ворсистый ковёр скрадывал шаги. Волк медленно шёл вдоль прозрачной стены, за которой открывался мрачный, наводящий ужас пейзаж безатмосферной планеты.

Станция дальнего обнаружения "NGS 72160" находилась на самом краю освоенной Галактики, в нескольких сотнях парсек над Рукавом. Здесь девять лет назад был найден удивительно тусклый красный карлик, что послужило причиной строительства на его единственной планете астрофизической лаборатории. С началом войны лабораторию поспешно переоборудовали в разведстанцию.

За стеклом раскинулась угрюмая пустошь. Полнеба занимала гниющая туша звезды, на неё можно было смотреть не щурясь. Красный карлик, носивший официальное имя "NGS 72160", персонал станции звал просто "Угольком".

Его лучи почти не несли тепла; в зловещем тёмно– красном свете, промёрзшая насквозь, изуродованная трещинами каменистая равнина простиралась до близкого горизонта. Там и тут, изорванными клочьями плоти вздымались скалы, их резкие

тени придавали равнине особо угрюмый вид.

Волк немного постоял у прозрачной стены, собираясь с мыслями. В коридоре было тепло, но зловещий пейзаж, казалось, протягивал щупальца холода сквозь стекло. За полтора года, проведённых в лаборатории, Волк так и не сумел привыкнуть к виду мёртвого мира.

Тяжело вздохнув, он ступил на диск гравифта. Пока прозрачные стены шахты мчались вниз, Волк не раскрывал глаз. Для его настроения, пейзаж снаружи был не самым подходящим зрелищем.

Купол низкой гравитации оказался пуст. Волк невольно ощутил облегчение. Иногда, после ночей вроде нынешней, он поднимался сюда, в жажде побыть наедине с собой и хоть немного успокоить душу. С началом войны кошмары стали приходить гораздо чаще. Волк, и ранее считавшийся нелюдимым, окончательно замкнулся в себе, стал искать одиночества. В такие часы друзья старались ему не мешать.

Друзья...

(Тела свалены во дворе бойни. Рабочие цепляют их крючьями, тащат к разделочным столам.)

Прижавшись лбом к холодному стеклу, Волк глухо зарычал. Три века. Ринн. Двести девяносто лет.

"Этого не было. Не было. Не было. Это только сон. Даже на Ринне такого не было."

Он взглянул на тусклую, тёмно– красную, словно гниющую заживо звезду. Когда– то у неё были дети– планеты, возможно, даже обитаемые, но прошли уже миллионы лет с тех пор, как все они погибли, пожранные пролетающей мимо молодой хищницей. Лишь последний, замёрзший отпрыск умирающей звезды продолжал безнадежно кружить по опустевшему дому.

– Искры погасшего костра, – с горечью прошептал Волк. – В кого мы превратились, звёзды? В кого?

Подняв руку, он коснулся полупрозрачного браслета на запястье.

– Диктофон. Продолжение прошлой записи. Глава третья.

Отблески звезды на стекле купола казались брызгами крови. Планета была мертва.

– Жизнь... – Волк закрыл глаза. – Что это? Я слышал много определений, но ни одно не пришлось мне по сердцу. Иногда, в минуты душевного спокойствия, жизнь кажется высшим творением природы, венцом эволюции материи. А иногда, когда я вижу, что творят некоторые существа над другими, жизнь представляется мне плесенью, болезнью, поражающей тела планет.

Он закрыл глаза. Пурпурная равнина и мрачные скалы исчезли, осталась лишь убаюкивающая пульсация крови в висках.

– Большую часть жизни я сражался. Вначале солдатом, позже с тайнами мироздания. Мы любим самообман, называя себя защитниками, но на самом деле мы лишь играем роли, записанные в генах на заре времён. Хищники и жертвы, друзья и враги... Есть ли смысл в нашей суете?

– Есть, – знакомый голос послышался сзади.

Волк отключил диктофон.

– Майор, – он обернулся. – Вас не учили, что так подкрадываться некрасиво?

Марк де Вилль натянуто улыбнулся.

– Меня учили подкрадываться.

– Оно и видно, – буркнул Волк, вновь отворачиваясь к стене.

Де Вилль беззвучно подошёл ближе. Его лицо было до того заурядным и непримечательным, что удержать характерные черты в памяти было непросто. Среднего роста, смуглый, с каштановыми волосами, майор Марк де Вилль успел заработать определённую известность за свой неповторимый, уникальный талант лицемерия. Он был выходцем с феодальной планеты, затерявшейся после Катаклизма и найденной вновь лишь полвека назад. Бывший аристократ, де Вилль с готовностью пошёл служить Императору.

– Ликант Аррстар, мне очень не нравится обстановка на станции, –

бесцветным голосом произнёс майор. Волк резко повернулся:

– Мне тоже!

– Боюсь, мы говорим о разных проблемах.

– Не сомневаюсь.

– Ликант Аррстар, ваше поведение подрывает воинский дух, – в серых глазах Марка не отражалось никаких эмоций. – Здесь только десять моих людей. Остальной персонал станции составляют штатские, к тому же ваши сородичи.

– Не просто сородичи, – сурово ответил Волк. – Соратники.

– Ваши действия в нынешней обстановке равносильны предательству...

– Предательству? – Волк невольно выпустил когти. – Вы смеете обвинять меня в измене? В измене кому? Я никогда не присягал на верность вашему императору!

– Тем не менее, вы живёте в Империи, – заметил де Вилль. – Наши боевые корабли превосходят вражеские во многом благодаря вашему уравнению минимальной огибающей в К–пространстве.

Волк скрипнул зубами.

– Моё уравнение предназначалось для всех. Не только для вашей империи. Вы засунули меня в эту дыру на окраине Галактики, заставили подписать документы о неразглашении. Ради чего? Ради этого?

Он указал вверх, где на орбите мигали огни тяжёлого крейсера, охранявшего планету.

– Мы боремся за справедливость! – передразнил Волк. – Мы наказываем преступника! Вчера я смотрел новости; странно, что вы не запретили и это. Император отказался смягчить решение о полной деиндустриализации двух планет Брутала. Против этого приказа выступал каждый третий офицер Флота, но кого волнует общественность? Наш император мудр и решителен!

– Все мы живы только благодаря Императору, – сухо ответил де Вилль. – Вы забыли, что творилось в Галактике после Катаклизма? Сотни колоний оказались отрезаны от дома, десятки миров одичали, несколько стали практиковать пиратство. Вы ещё помните пиратов, ликант Аррстар? Вы помните, каково было жить в городах, каждую секунду опасаясь нейтронного обстрела с орбиты? Истину, что гораздо легче отнять, чем построить, в те времена заучили слишком многие...

– Те времена кончились двести лет назад, майор, – резко оборвал Волк. – Галактика опомнилась. Сегодня единственное, что угрожает нашей безопасности – сам император и его тоталитарная система. Кто развязал нынешнюю войну? Ответьте! Кто поставил под угрозу жизни миллионов разумных лишь потому, что другой, подобный ему деспот, осмелился похитить двух детей?

Марк де Вилль вскинул голову:

– Ликант Аррстар! – на его невозмутимом лице впервые отразились эмоции. – Достаточно. Похищены были не просто дети. Похищены родные дети Императора. Императрица была тяжело ранена, погибла команда её корабля. Вы, на месте Императора, смирились бы с подобным вызовом?

– Вызовом кому? – горько спросил Волк. – Младенцам и женщинам с планет Брутала, где скоро начнётся голод? Матерям всех тех, кто уже погиб, отстаивая императорскую гордость?

Он взглянул на де Вилля с высоты своего роста.

– Если вам, майор, интересно, почему началась война, не читайте имперскую пропаганду. Император использовал судьбу своих несчастных детей, чтобы расправиться наконец с Конфедерацией. Она всегда его раздражала, мешала единолично править Галактикой. Похищение стало отличным поводом для войны.

– Вы лжёте, ликант Аррстар! – де Вилль напрягся. – И прекрасно это знаете!

– Лгу? – Волк с горечью отвернулся. – Вы полагаете, для Императора будет лучше, если причиной этой войны посчитают его личную ненависть к главе Конфедерации? Чтобы спасти детей, война не нужна. Война нужна вам.

– Нам? – майор удивлённо подался назад. – Мы хотим завершить эту войну как можно скорее!

Волк резко повернулся:

– Нет, – сказал он, нависнув над де Виллем. – Не завершить. Победить. Завершить вы могли год назад, когда Конфедерация предложила мир.

– Император не ведёт переговоров с детоубийцами, – сухо ответил Марк. – А вы, похоже, ведёте. Ваша деятельность, маскируемая пацифизмом...

Волк дёрнул хвостом.

– Последние дни я пытаюсь организовать фонд поддержки планет Брутала, –

прервал он. – После уничтожения промышленности жителям грозит голод, они покидают города. Быстрое наступление Имперского флота уже лишило их шансов на помощь из Конфедерации.

Марк усмехнулся.

– Фонд? Ликант, не забывайте что мы, по долгу службы, обязаны просматривать все сообщения со станции.

– Тогда вы должны знать, что моему призыву уже внял мир Гендаси, населённый разумными ящерицами. Они обещали послать на планеты корабли с гуманитарной помощью.

Волк тяжело вздохнул.

– Хотя что смогут сделать несколько кораблей, когда голод грозит двум планетам...

Марк де Вилль сцепил руки за спиной:

– Я вынужден просить вас прекратить то, что вы называете борьбой за мир. На языке военных, это зовётся короче и точнее: саботаж. Ваши возвания находят отклик на многих планетах, пробуждают в народе пораженческие настроения. Недавно в метрополии, напротив императорского дворца, ваша бывшая сотрудница Тень Камурава и группа физиков провели демонстрацию протеста. Они несли ваши портреты, ликант Аррстар, и требовали заключить мир с Конфедерацией.

Волк прищурился.

– В новостях об этом не сообщали.

– Сообщат, – бесстрастно проговорил де Вилль. – Позже.

Раскрыв папку, которую держал в руках, он вытащил прозрачный видеолист с красной полоской секретного доступа.

– Это вам. Пришло час назад.

Волк глубоко вдохнул:

– Дайте взглянуть.

– Пожалуйста.

Пока учёный внимал сообщению, Марк де Вилль невозмутимо смотрел на равнину за куполом. Он стоял так неподвижно, что казался роботом или рептилией; под бронированной курткой военного образца не было видно даже, как вздымается

при дыхании его грудь.

Досмотрев послание, Волк ошеломлённо поднял голову. В его ярких зелёных глазах отражалось изумление.

– Как это понимать? – после долгой паузы спросил он.

– Буквально.

– Но... но это же взятка.

Майор усмехнулся.

– Вам очень важны термины? Империя предлагает вам прекратить подрывную деятельность, обещая взамен смягчить решение о наказании планет системы Брутала.

Волк покачал головой.

– Не верю. Я хорошо знаю Императора, он скорее отдаст приказ о моей казни, чем изменит однажды принятое решение.

– Значит, вы не заметили подпись, – сухо ответил Марк.

Сузив глаза, Волк поднял видеолист повыше и взглянул сквозь него на звезду. Рука невольно дрогнула, когда в пурпурном свете обрисовалась знакомая всей Галактике печать в виде когтистой лапы, сдавившей обитаемую планету. Поперёк печати, стремительным росчерком было написано одно короткое слово.

– Однако... – пробормотал Волк. – Какая честь...

– Император помнит вас, ликант Аррстар, – Марк повернулся к собеседнику и позволил слабой улыбке проникнуть на лицо. – Это послание – его личная уступка в знак старой дружбы. Император рассчитывает на ответный жест.

Волк заставил себя собраться. Новость была ошеломляющей.

– Вы, похоже, знаете больше, чем тут сказано, – заметил он подозрительно.

Холодная улыбка на лице майора не изменилась.

– Я получил персональные инструкции насчёт вас, ликант Аррстар. Из того же источника.

– Вот как? – Волк уже опомнился и вновь стал осторожен. – Впрочем, я мог бы догадаться. Итак; какого ответного жеста ожидает от меня Император?

Марк де Вилль протянул Волку маленький цилиндрик мнемокристалла.

– Здесь информация о вашем новом назначении. Это небольшая обитаемая планета в тридцатом секторе, уровень развития D1, население – две

противоположно– агрегатные расы, обе нетехнические, миролюбивые. Ваша задача – подготовить их к вступлению в Империю.

Волк долго молчал.

– Ссылка, – сказал он наконец.

– Да, – ответил майор. – В обмен на жизнь двух планет. После победы вы сможете вернуться; вас сделают героем, вручат Рэйденовскую Премию Мира и даже поставят памятник как великому борцу с диктатурой злобного деспота.

Волк заставил себя усмехнуться.

– Держу пари, последний пункт придумал не Император.

– Вы правы, – Марк тонко улыбнулся. – Императрица изредка вмешивается в политику августейшего супруга.

Учёный глубоко вздохнул:

– Хорошо, – он принял кристалл из рук майора. – Императора можно обвинить во многом, но только не во лжи. Я отправлюсь в ссылку, если такова цена спасения планет.

– Вам понравится в тридцатом секторе, – заверил Марк. – Он очень далёк от войны...

– ...и центра цивилизации, – угрюмо dokonчил Волк. – Надеюсь, мне будет позволено забрать с собой подругу?

Майор де Вилль кивнул.

– Безусловно. Если она согласится. Да, и последнее...

Он резко захлопнул папку.

– Вы, несомненно, понимаете, что если о подлинной причине вашего перевода станет известно, Императору придётся официально опровергнуть нелепую клевету.

Волк вновь повернулся к мёртвому пейзажу за стеклом.

– Понимаю, – ответил он глухо.

– В таком случае, вас не удивит, что следом за опровержением последует немедленное наказание как планет системы Брутала, так и вас лично, – с лица майора де Вилля исчезли всякие признаки улыбки. – Сейчас Империя переживает тяжёлые времена. Все советники и друзья Императора заняты поисками его похищенных детей, война с Конфедерацией поглощает ресурсы центральных планет. Вы должны

понять, какое огромное одолжение делает вам Император. Скажем откровенно: будь на вашем месте кто–нибудь другой...

– Увольте меня от подробностей, майор, – сухо оборвал Волк. – Я познакомился с Императором за два с половиной века до вашего рождения, когда он был простым звёздным пилотом. С тех пор он мало изменился, поверьте.

Резко отвернувшись, Волк Аррстар направился к лифту. Следом, беззвучно, но быстро, шёл Марк де Вилль.

Глава 2

Окаймлённый непроходимыми джунглями и болотистыми озёрами, единственный космодром планеты Оррокан располагался в излучине крупнейшей реки этого мира. Колоний здесь не было, Империю представляла лишь пожилая супружеская пара тигроподобных пардов, они жили в небольшом домике на берегу моря, в полукилометре от навигационной башни космодрома. Чтобы туземцы не заходили на лётное поле, где им грозила смерть от приземляющихся звездолётов, вся территория была окружена ситановой проволочной изгородью.

Ещё с воздуха стали видны две фигурки на крыше башни. Когда корабль приземлился, парды спустились на землю по архаичной ржавой лестнице и направились встречать гостей. Волк в рубке управления тяжело вздохнул.

– Прибыли, – сказал он невесело. Флэр потёрлась головой об его плечо.

Она жила с Волком уже почти триста лет, принеся пятерых детей, давно ставших взрослыми, но несмотря на это, их любовь не слабела. Оба в прошлом уже теряли любимых. Но Волк часто ловил себя на мысли, что жизнь без Флэр станет совершенно пустой. Однажды вечером, в пустыне, она призналась ему в схожих чувствах.

Когда люк открылся и волна жаркого, влажного воздуха ворвалась в корабль,

Флэр невольно прижалась к Волку.

– Здесь мы будем жить? – спросила она тихо. Сотни неведомых запахов заполнили шлюзовую камеру, небольшой перепад давления отозвался в ушах звоном.

Волк тяжело кивнул.

– Недолго, – он постарался придать голосу бодрость. – Совсем недолго...

Тем временем, по сходням поднялся пожилой серебристо–серый пард, покрытый блеклыми барсовыми узорами. Он был высок и широкоплеч; волевое лицо отличалось резкими, гранёнными чертами, в жёлтых глазах, несмотря на возраст, ещё тлел дикий огонёк. Шерсть отливала матовым седым блеском.

– Светлого неба, – вежливо поздоровался тигр. Волк машинально ответил:

– И сильных детей.

Пард улыбнулся, оскалив прекрасно сохранившиеся клыки.

– Знаете наши обычаи? Неожиданно. Вас двое? – он окинул Флэр внимательным взглядом, потянул носом воздух.

– Да, двое, – кивнул Волк.

Тигр скрестил на груди могучие руки.

– Наше скромное логово радо гостям. Сообщили, вы собираетесь жить здесь несколько лет, это правда?

Флэр вздохнула.

– Боюсь, что да...

– Решение принято не вами? – тигр прищурился.

– Решение приняли за нас, – ответил Волк, глядя в его жёлтые глаза.

Пард широко улыбнулся.

– Политические?

– Что?

– Вас сюда сослали?

Флэр растеряно оглянулась на мужа.

– О– откуда вы взяли? – спросила она с запинкой.

Серебристый тигр рассмеялся.

– Сюда просто так не летают, – объяснил он. – Будем знакомы: я Шау'кхар, начальник космической службы и посол Империи на Оррокане. Там, внизу, Фршата.

Наши дети сейчас в экспедиции. Мы здесь единственные инопланетники.

Учёный с трудом улыбнулся.

– Я Волк Аррстар, ликант астрофизики. Это моя подруга Флэр, биолог и врач.

– Очень приятно! – Шау'кхар хлопнул себя по груди. – Мы рады гостям, особенно вашей расы. Много вещей? Могу прислать робота.

Флэр вздохнула.

– Нет, спасибо. Первое время мы проживём в корабле, пока не построим дом где–нибудь на природе. Этот звездолёт наш.

Шау'кхар окинул гостей недоверчивым взглядом.

– "Х 220" девятого поколения, с неограниченной автономией, генераторами мезонного и статического щитов, контуром полной регенерации и К–пространственным навигатором – этот корабль принадлежит вам?

Волк улыбнулся.

– Вы разбираетесь в звездолётах?

– Очень хорошо разбираюсь.

– Я заказал этот эсминец много лет назад, в 180– м. Тогда на пассажирский лайнер, где летели мы с Флэр, напали пираты, моя подруга едва не погибла. С тех пор мы пользуемся только боевыми звездолётами.

Он провёл рукой по сверкающей броне.

– "Молот Прогресса" необычный корабль. Его модифицировали, заменили многие узлы. От стандартных военных эминцев он отличается более мощным двигателем и двойным щитом раннего отражения, вместо ракетных шахт установлены импульсные дизассоциаторы, в бывшем бомбовом отсеке дополнительный негатор инерции... – Волк запнулся, когда Флэр наступила ему на ногу.

– Извините моего мужа, – улыбнулась она. – Корабль его гордость, и он почему–то полагает, что им все должны восторгаться.

Пард с трудом закрыл пасть.

– А... грфшш. – он встряхнулся. – У вас хороший корабль.

– Спасибо, – рассмеялся Волк.

Шау'кхар встопорщил усы:

– Вам выдали трансмутаторы? Здесь правосторонние белки. Многие растения содержат аминокислоты, способные вызывать мутации, даже пыльца цветов очень опасна. Мы не снимаем фильтров. Есть ядовитые насекомые и пресмыка... – он запнулся, бросил на Флэр смущённый взгляд и поправился: – Хотел сказать, рептилии.

Волк кивнул.

– Всё в порядке, – он коснулся своего тонкоплёночного респиратора. – Мы знали, куда летим. Кроме того, наш организм сам производит все нужные аминокислоты, органическая пища служит только источником энергии и химических элементов. Мы очень мало зависим от биохимии среды. А про белки нас предупреждали, в корабле целый контейнер энерготаблеток...

Пока они говорили, Флэр спустилась по сходням и поздоровалась с серебристой пардией. Пожилая, но ещё красивая, Фршата оказалась ксенобиологом.

– Корабль уберём с поля завтра, – сказала она, пока гости и хозяева шли к воротам. – Сюда редко прилетают звездолёты. Оррокану повезло, что местная биология несовместима с нашей.

– Браконьеры? – понимающе спросила Флэр.

– Они, – вздохнула пардия. – Планеты с правобелковой жизнью очень редки, и официально Оррокан считается заповедником. Но кто об этом помнит? – она неодобрительно прижала уши. – Раньше, когда мы сюда только прилетели, планета служила охотничьим парком для богатых землян. Они убивали даже аборигенов! После нашего доклада, Империя прислала сюда специалиста с Предатора.

Флэр невольно вздрогнула. Серебристая тигрица кивнула:

– Жуткий, да. Но дело своё знает. За месяц добыл полторы сотни шкур. Мы послали их на Землю, и лишь тогда нашу планету оставили в покое. Теперь здесь тихо и безопасно: в системе барражирует охранный робот.

– Мы видели его, когда вышли из К– пространства, – кивнул Волк. – Впечатляющая машина.

– До вашего эсминца ему далеко.

– Но ведь это разные классы. Робот произведён на вашей планете, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – ухмыльнулся Шау'кхар.

Тем временем Фршата на ходу сорвала громадный серый цветок, похожий на шар из пепла.

– Ваш первый сувенир, – она протянула цветок Флэр. – Ночью они светятся.

Волк незаметно подмигнул подруге.

– Вас сюда тоже... выслали? – спросил он у Шау'кхара. Пард фыркнул в усы.

– Напротив. Нас отсюда неоднократно пытались выселить.

Он остановился и глубоко вдохнул, раскинув мощные, мускулистые руки в стороны.

– Оррокан удивительный мир, – тихо сказал Шау'кхар. – Скоро вы в этом убедитесь. Главное, не сражайтесь с ним. Дайте планете понять вас, и тогда, быть может, вы поймёте её.

Флэр оглянулась на Волка. Тот молча шагал по траве.

Они перегнали корабль к подножью живописного холма, километрах в пяти от космодрома, и построили дом на вершине. Флэр хотела соорудить экзотичную деревянную избушку, но Волк отговорил её рубить деревья, и изгнанникам пришлось довольствоваться крупнопанельным ситановым куполом из набора, хранившегося в корабле. Несколько дней ушло на мелкие работы, после чего Волк пригласил пардов и, все вместе, они весело справили новоселье. Дети Шау'кхара, молодой Криш и совсем маленькая Ката, оказались милыми и весёлыми котятами, вдобавок Криш был неисчерпаемым кладезем анекдотов про Императора.

Ночью, после праздника, Флэр разбудила своего супруга нежным прикосновением.

– Нам предстоит жить здесь много лет, – сказала она тихо. – Я хочу ребёнка.

Волк посмотрел в глаза подруги и не стал возражать. Они не спали до утра, потом проспали весь день. Следующий вечер изгнанники встретили на склоне холма,

по пояс в оранжевой траве.

– Мне нравится здесь, – шепнула Флэр. – Этот мир... Он кажется чистым. Как наша родина в древности.

Волк улыбнулся.

– Чем дальше от цивилизации, тем чище. Этот принцип всегда работает.

Она чуть повернула голову.

– Тебя отпустили кошмары?

Молчание.

– Волчонок...

– Немного, – тихо ответил Волк. – Ты же знаешь, как это бывает. Волнами... Иногда я не чувствую боли годами. А иногда...

– Но почему? – она повернулась. – Почему тебе мерещится одна и та же картина? Бойня, разделочный стол... Ведь этого не было, любимый. Такое не каждый сумеет даже вообразить.

Волк усмехнулся.

– Люди всегда лучше нас умели придумывать средства убийства. Было время, когда они воспитывали детей на сказках, рядом с которыми мои кошмары покажутся смешными.

Удивлённая Флэр села.

– Волк, ты же всегда был сторонником и защитником людей. Что с тобой случилось?

– Ничего, – он тяжело вздохнул. – Совсем ничего...

Флэр придвинулась ближе, ласково приоткрыв крылья. Волк улыбнулся. Обняв подругу, он нежно лизнул её в щёку. Родной запах щекотал ноздри.

– У меня был друг, – тихо произнёс Волк. – Ты должна его помнить, добродушный солдат со странным именем Негоро.

– Я помню, – эхом отозвалась Флэр.

– Однажды он сказал замечательные слова, – Волк закрыл глаза. – "Должно быть на свете место, где можно жить без войн".

Флэр горько улыбнулась.

– Мы ищем это место триста лет, любимый. Три века.

– Нет, – Волк покачал головой. – Не ищем, Флэр. Если бы искали – давно бы нашли планету вроде этой, где можно жить тысячелетиями, не вспоминая о смерти.

Он обнял подругу покрепче и прошептал:

– Мы не ищем мест без войн. Мы хотим сделать таким местом весь мир.

– Да, – согласилась Флэр. – Хотим.

Они взглянули друг другу в глаза и не сговариваясь рассмеялись.

– Как в доброе старое время... – отсмеявшись, заметил Волк. – На секунду я даже ощутил себя двадцатилетним.

– Стари– и– ик... – презрительно протянула Флэр. В следующий миг она со смехом и визгом была повалена в оранжевую траву.

Глава 3

Несколько дней спустя, когда течение жизни наладилось, Волк впервые решился встретиться с аборигенами планеты. На Оррокане жили две разумные расы; пушистые лесные млекопитающие, похожие на лемуры Земли, и полуводные рептилии, внешне напоминавшие ихтиоподов Дракии. Лемуры называли себя "пррр–кец"; они делились на племена, каждое в собственном лесу, но разговаривали на едином общем языке, богатом идиомами и образными конструкциями. Их культура была изучена гораздо лучше, чем цивилизация рептилий.

О тех знали немного. В экваториальной области планеты, на коралловых атоллах, рептилии возводили настоящие города, большей частью погружённые в воду. В отличие от лемуров, они знали огонь и умело им пользовались, присутствовали даже зачатки техники: водяные насосы, которые крутили громадные и на редкость флегматичные рыбы. Насосы использовались для питания множества фонтанов и опрыскивателей, где рептилии любили отдыхать в жаркие дни.

У Шау'кхара нашлись мнемокристаллы только для языка лемуров. Поэтому Волк решил вначале познакомиться с лесными жителями, тем более, что те уже не раз забирались на обшивку звездолёта, привлечённые её блеском. По словам пардов, в

районе космодрома обитало крупное племя "Тршфкх", прославленное своими тысячами селениями из веток и лиан.

Первый контакт Волк решил провести на поляне неподалёку от звездолёта. Несмотря на то, что парды уже рассказали местным жителям о гостях, те явно их боялись и прятались, едва завидев Волка или Флэр. Поэтому учёный разложил на траве несколько сочных плодов, которые лемуры очень любили, а сам улёгся поодаль, стараясь двигаться неуклюже и медленно. Он знал, что древесные виды спокойно относятся к толстокожим травоядным, для которых такая "неуклюжесть" была естественной.

Результаты не заставили себя ждать. Не прошло и получаса, как с ближайшего дерева осторожно спустился крупный жёлто–коричневый самец, "одетый" в своеобразные "доспехи" из коры. В лапках он держал духовую трубку, готовый при малейших признаках опасности поразить врага отравленным шипом и взлететь на дерево. Волк миролюбиво поднял руку.

– Друг, – проговорил он на языке лемуров. Издавать такие звуки было непросто даже для Флэр, умевшей почти идеально передразнивать любую птицу.

Абориген с опаской подкрался к плодам и тщательно их обнюхал.

– Большой–с–неба твой друг, – повторил Волк.

Лемур уставился на него огромными зелёными глазами.

– Разве вкусной пищи хватит для дружбы? – спросил он, выговаривая слова так быстро, что Волк с трудом понимал смысл. Вопрос заставил его растеряться.

– Я хочу быть другом, – ответил он после паузы.

Абориген с сомнением склонил голову набок, потом внезапно схватил плод и запустил его Волку в лицо. Тот, совершенно автоматически, перехватил снаряд в полёте.

– Ты быстр, – заметил лемур. – У тебя хорошая реакция и зубы хищника. Но я бросил в тебя яякве, а ты не разозлился. Почему?

Удивлённый Волк кивнул.

– Потому что я хочу быть другом.

Абориген потянул носом воздух.

– Ты хищник, – заявил он решительно. – Большой, быстрый и страшный. Но

хищники не носят рогов. Почему у тебя рога?

Волк улыбнулся уголками губ. Он помнил, что большинство растительоядных воспринимают улыбки как угрожающий оскал.

– Давным– давно, в месте, откуда я родом, жило много страшных зверей. Они были огромными, опасными и с очень крепкой кожей. Некоторые умели летать. Во время охоты, когда мои предки убивали тяжёлых зверей, они не могли забрать их по воздуху в безопасные пещеры. Им приходилось есть на открытом месте. Но в это время часто напали летающие враги, и постепенно у моих предков появились рога и гребень шипов на спине. Мы умеем поднимать гребень, вот так, – Волк показал, – и если нас атакуют с воздуха, враг напорется на шипы и истечёт кровью.

– В ваших местах нелегко жить, – абориген уселся в траву, обернув вокруг себя громадный пушистый хвост.

– Так было очень давно. Уже много– много поколений на нас не охотятся.

Лемур внимательно осмотрел Волка.

– Ты холодный? – спросил он.

– Нет, – ответил Волк.

– Ты похож на морских. Они холодные.

– Да, но я другой, – Волк медленно, чтобы не испугать собеседника, расправил одно крыло. – Я умею летать.

Лемур задумчиво почесал за ухом.

– Это неправильно, – заявил он, разглядывая крылья Волка. – Такие большие звери не должны летать. Их помёт испортит лес.

Волк чуть не рассмеялся, но вовремя себя удержал.

– Я не зверь. Я умею думать. Мы никогда не портим лес.

– Знаю, – кивнул абориген. – Пятнистые говорили. Пришельцы не могут есть нашей пищи.

С этими словами он поднял один из плодов и с аппетитом вгрызся в ароматную мякоть. Пока лемур ел, Волк решил перейти к следующей стадии контакта:

– Меня зовут Волк Аррстар, – представился он.

– Два имени? – с набитым ртом поинтересовался абориген.

– Да.

– Зачем?

– Нас очень много, – улыбнулся Волк. – Больше, чем имён.

Лемур сглотнул и уставился на учёного.

– Ты правильно говоришь?

– Да.

– Но так не должно быть, – громадный пушистый хвост аборигена взмыл к небу. – Много больших хищников, это очень плохо. Они съедят всех зверей, потом умрут сами и лес погибнет.

Волк удивлённо моргнул. Вот так дикарь...

– Мы не охотимся. Мы растим в океане особую траву, со вкусом мяса. Мы только похожи на хищников.

Лемур встрепнулся:

– Вы как морские? Живёте в воде?

– Нет, мы живём в горах, а когда хотим есть, летим к морю. У нас есть крылья, – напомнил Волк.

Подумав, абориген вторично почесал за ухом и поднял ещё один плод. Учёный терпеливо ждал, пока он закончит есть.

– Ты синий, твоя подруга зелёная, – внезапно сказал лемур. – У неё тоже два имени?

Волк ухватился за удобную возможность:

– Да, мою подругу зовут Флэр Аррстар. А какое имя у тебя?

– Непернатый, – гордо заявил лемур.

Волк чуть не задохнулся от неожиданности.

– Как?!

– Непернатый.

– Что это значит?

– Это значит, что у меня нет перьев, – терпеливо объяснил абориген.

– Но ведь ни у кого из вас нет перьев!

– Конечно, – лемур фыркнул. – Иначе бы меня так не звали.

Помолчав, Волк встряхнулся.

– Хочешь посмотреть, какие у нас есть интересные вещи? – спросил он

неуверенно. – Мы покажем тебе волшебное зеркало...

– Хочу! – решительно перебил Непернатый. – Мы следим за вами уже десятый свет.

Без малейших колебаний, он подбежал к Волку и запрыгнул ему на спину. Учёный недоверчиво покачал головой:

– Ты уже совсем не боишься?

– Я не зверь, – объяснил Непернатый. – Я тоже умею думать. Ты пришёл и сказал, что хочешь быть другом. Недавно ты построил дом, каждую темноту вы с подругой спариваетесь. Детей заводят только там, где хотят долго жить, а если хотят долго жить, то с соседями враждовать неправильно, потому что злые соседи сделают жизнь короткой и неприятной.

Он забрался Волку на голову и уселся меж рогов, обернув хвост вокруг левого.

– Вперёд, – заявил лемур. – Покатай меня по небу.

Учёному ничего не оставалось, кроме как расправить крылья и взмыть навстречу солнцу. Контакт прошёл успешно.

Первые месяцы на Оррокане пролетели для Волка и Флэр, как один день. Они не успевали удивляться оригинальности и широте мышления кецев. Лемуры поразительно быстро учились, с первого раза понимали сложнейшие философские теории, иногда казалось – их интеллект превосходит всякие мыслимые рамки. Но так продолжалось лишь до тех пор, пока Волк не попытался обучить своих новых друзей обращению с техникой.

Кецев абсолютно не занимали машины. Они могли весело рассуждать об инстинктах и подсознании, экологии тропического леса и генетике собственной популяции, но даже элементарная модель зубчатой передачи, которую Волк собрал из запчастей к механизму корабельного шлюза, приводила их в полное замешательство. А когда кец впадал в замешательство, он поступал точно как его неразумные родичи с

других планет: прыгал на дерево и исчезал в листве. Иногда это приводило Волка в такую ярость, что он рычал и хлестал себя хвостом.

– Ну что здесь сложного? – объяснял он Непернатому, который со скучающим видом разглядывал модель. – Смотри; я поворачиваю маленькое колесо. Длина его окружности вдвое меньше, чем у большого, поэтому большое колесо поворачивается только на половину оборота.

– Зачем крутить маленькое колесо? – спросил кец. – Крути сразу большое.

– Если крутить маленькое колесо, появляется выигрыш в силе. Я как бы становлюсь сильнее, понимаешь?

– Но ты сильный, – удивился Непернатый. – Ты большой и могучий, как тысяча кецев.

– Р– р– р– р– р... – Волк устало вздохнул. – Попробуем иначе. Скажи, если ты захочешь поднять на дерево тяжёлый груз, что ты сделаешь?

– Позову друга, – лемур крутанулся на месте, спиралью обернув вокруг себя хвост. Из мехового шара на Волка весело уставились изумрудные глаза.

– А если груз очень тяжёлый?

– Позову много друзей!

– А если ты один, далеко от племени, в чужом лесу?

– Зачем мне в чужом лесу таскать тяжести? – Непернатый фыркнул, что у его расы заменяло смех. – Пусть они сами таскают.

Волк мысленно сосчитал до десяти и выдохнул. Кец невинно глядел на него из– под меха.

– Представь, что тебе очень нужно поднять на дерево тяжёлый груз, а друзей поблизости нет.

– Представил, – сказал Непернатый.

– Что ты тогда сделаешь?

– Позову друзей.

– Нет никаких друзей!

– Есть, – серьёзно ответил лемур. – Друзья есть всегда.

Волк с досады даже дёрнул хвостом.

– Непернатый, скажи, ты хотел бы стать сильнее?

– Да! – Кец весело фыркнул. – Тогда у меня будет больше подруг, я буду чаще спариваться и хорошо жить, и дети тоже станут сильнее.

– Вот видишь! – Волк обрадовался. – С помощью машин ты станешь сильнее. Один кец сможет поднять на дерево груз, с которым не справились бы и сто кецев!

Непернатый распустил хвост и почесал за ухом.

– Ты говоришь неправильно. Машина поднимет груз, не я. Я останусь таким же, как был, только устану.

Подумав, он добавил:

– А друзья обидятся, что я не позвал их на помощь. Машина обидит моих друзей, а меня сильнее не сделает. Разве это правильно?

Заметив, что большой друг расстроен, Неperнатый залез к нему на голову и принялся щекотать хвостом.

– Я тебя обидел? – спросил он серьёзно.

– Нет, – Волк вздохнул. – Нет..

Опустившись на землю, учёный разлёгся в траве, положив голову на толстый выступающий корень. Кец перелез к нему на грудь. Когда Волк принялся чесать лемура за ухом, Неperнатый довольно запыхтел.

– Ты тёплый и добрый, – сказал он. – Морские так не умеют.

– Расскажи про них, – попросил Волк, незаметно включая диктофон на запястье. Лемур сразу прекратил пыхтеть.

– Что рассказать?

– Всё. Представь, что говоришь с кецем, никогда не слышавшим о морских. Что ты ему расскажешь?

Неperнатый задумался.

– Интересно, – заметил он, свернувшись клубком на груди Волка и накрыв голову хвостом. – Так говорят с детьми, а ты взрослый. Но ты, как дети, не знаешь. Значит, я буду говорить с тобой, как с маленьким?

Волк улыбнулся. За минувшие дни кецы уже привыкли, что их новые друзья показывают зубы не в знак угрозы, а когда довольны или счастливы, поэтому Неperнатый остался спокоен.

– Правильно.

– Тогда слушай и запоминай, – лемур сел, обернув себя хвостом. – За лесом, где начинается горькая вода, живут большие и холодные говорящие звери. Они называются морские. Мы не должны враждовать с морскими. Они – второй народ из пяти. Они помогут нам, когда придёт время. Как отличить морских: у них большое гибкое тело зелёного цвета, покрытое крепкой чешуёй, похожей на кору оолкртшак, хвост плоский и сильный, ноги короткие, пасть длинная, зубы острые и все одинаковые, глаза...

– Постой, – Волк приподнялся. – Ты сказал, второй народ из пяти?

Кец застыл. В его громадных зелёных глазах промелькнуло что– то, похожее на страх.

– Не перебивай, – с запинкой сказал Непернатый. – Дети должны слушать внимательно и запоминать.

– Объясни, что значит второй из пяти?

Лемур издал раздражённое шипение.

– Это значит, ты плохо слушаешь!

Волк поднял пушистого аборигена и усадил в траву напротив себя.

– Два народа, кецы и морские, – сказал он негромко. – Есть ещё три?

Непернатый прижал уши к голове. Это означало злость.

– Ты не должен меня спрашивать. Не должен. Так неправильно.

– Почему, друг? – ласково спросил учёный. Слово "друг" подействовало: кец опомнился, вставший дыбом мех вновь улёгся. Несколько минут на полянке царил тишина.

– Я неправильно сказал, – выдавил наконец Непернатый. – Этого нельзя было говорить.

Волк внимательно посмотрел на лемура. Огромный опыт жизни в Империи, позволял учёному мгновенно чувствовать знакомые признаки. И сейчас он ясно видел: кец испуган. Непернатый поник, его всегда задранный хвост бессильно лежал в траве.

– Не бойся, – шепнул Волк, подняв лемура на руки. – Я никому на скажу.

Кец нерешительно поднял глаза.

– Никому?

– Даже Флэр.

Непернатый судорожно вздохнул.

– Ты друг, – шепнул он еле слышно. Лизнув Волка в нос, лемур одним прыжком метнулся к дереву и скрылся в листве.

Глава 4

Через два месяца начался сезон дождей. Небо покрыли низкие, свинцовые тучи, ливни продолжались часами, нередко сопровождаемые грозами и ураганным ветром. Волк и Флэр почти перестали выходить из дома.

Изгнанники проводили время, занимаясь творчеством. Флэр неплохо рисовала; она решила запечатлеть историю героического освобождения их народа из рабства, и с утра до вечера сидела перед холотанелью, касаясь её сенсорной кистью. Волк писал труд о разновидностях К– пространственных вихрей.

За стенами купола выл ветер. Сквозь окна было видно низкое, серое, набухшее влагой небо, по которому ураган носил листья и сухие ветки. Обогреватели трудились на совесть; температура снаружи уже опустилась почти до нуля.

Волк постоянно ловил себя на желании построить убежище для кецев. Он понимал, что те жили миллионы лет безо всяких убежищ, и неплохо себя чувствовали, но иррациональность желаний давно перестала его удивлять. Чтобы отвлечься, Волк с головой погружал себя в работу, проводя, бывало, целые дни возле мощного научного оборудования, смонтированного в корабле. С каждой неделей, они с Флэр всё тяжелее переносили ссылку.

После странного разговора на полянке, Непернатый почти перестал появляться. Другие кецы тоже постепенно утратили интерес к гостям, их весёлый нрав требовал всего нового и необычного. Последнее время, Волк и Флэр жили почти в одиночестве. Из– за плохой погоды даже молодые пары перестали заглядывать к соседям.

Когда с неба упали первые снежинки, Волк монтировал на морском берегу

компактный тахионный детектор призматического типа. Он как раз заканчивал клеить дюралюминиевые панели радиатора, когда за спиной послышался шум мотора. Оглянувшись, Волк увидел старенький колёсный вездеход, принадлежавший пардам.

– Привет крылатым физикам! – из кабины высунулся Шау'кхар, укутанный полосатым пледом. – Как идут дела?

Улыбнувшись, Волк выбрался на берег.

– Холодно, – ответил он просто. Ледяная вода стекала по скафандру.

– Погода плохая, да... – пард недовольно рыкнул. – Волк, я зачем приехал: сегодня пошёл снег.

– Разве это снег? – учёный рассмеялся. – Вот у нас, на Ринне, были зимы так зимы. Однажды я искал, где приземлиться, опустился на полянку, а она...

– Нет, нет, – Шау'кхар фыркнул в усы. – Я о другом. Волк, передай своей подруге: следующие пять дней нельзя ходить в лес. И сам тоже имей в виду, ближе сотни метров к опушке лучше не приближаться.

Волк удивлённо моргнул:

– Почему?

– Кецы, – со вздохом объяснил пард. – С первым снегом у них начинается ритуал встречи зимы. Двадцать лет назад мы этого не знали. Сунулись к ним с камерами. Уцелели чудом. Эти пушистики пришли в такую ярость, что чуть не разорвали нас вместе с машиной. Позже один объяснил, мы нарушили их главное табу.

Волк прищурился.

– Пять дней?

– Да, – кивнул Шау'кхар. – Я не шучу. После того случая кецы нас два года игнорировали. Помнишь – не сражайся с планетой?

Учёный помолчал.

– Хорошо, Шау'кхар. Спасибо за предупреждение.

– Соседи! – оскалившись, тигр запустил мотор. Волк проводил его долгим и внимательным взглядом.

До вечера он продолжал собирать фильтр. Когда солнце коснулось горизонта,

Волк побросал в мешок инструменты и направился к куполу. Там горел свет; Флэр была дома.

У дверей, под пышным оранжевым кустом, Волку почудилось движение. Сделав вид, что ничего не заметил, он вошёл в дом и хвостом придержал дверь открытой. Миг – и несколько серых теней шмыгнули в проём.

Молча захлопнув дверь, Волк включил поляризацию окон. Под потолком засветилась плазменная панель.

– Что случилось? – тихо спросил учёный.

Из угла на него смотрели двенадцать испуганных глаз. Кецы были так перемазаны грязью, что лишь интуиция и запах позволили Волку узнать одного из гостей.

– Друг... – Непернатый дрожал. – Ты друг?

– Я друг, – Волк поднял смертельно испуганного пушистика на руки. – Я помогу вам. Что случилось?

Кец судорожно сглотнул.

– Ничего. Не могу сказать. Просто помоги. Не спрашивай. Поможешь?

– Помогу, – твёрдо ответил Волк.

Непернатый на миг зажмурился.

– Это моя подруга и наши дети, – выдавил он хриплым шёпотом. – Можно, они проведут в твоём доме темноту? Или две темноты...

– Пять, – тихо подсказал Волк. Непернатый дёрнулся.

– Я не говорил!

– Ты не говорил, нет, – учёный ласково погладил кеца. – Я просто догадался.

Да, твоя семья может провести в нашем доме пять ночей.

Непернатый обмяк.

– Ты друг, – шепнул он, от волнения глотая окончания слов. – Ты хороший друг...

С трудом встав, кец направился было к двери, но Волк вновь поднял его на руки.

– Остайся, – тихо сказал учёный. – Я защищу вас.

– Нет, – кец тяжело дышал, его ноздри раздувались. – Я должен быть там. У

меня есть ещё подруга. И дети. Я должен быть с ними.

Волк отпустил Непернатого и подошёл к двери. Снаружи доносился вой ветра.

– Мне пойти с тобой? – негромко спросил Волк. Кец так вздрогнул, что едва не потерял равновесие.

– Нет! – он схватил учёного за руку. – Нет! Не ходите в лес! Скажи своей подруге, нельзя ходить в лес! Там... туда нельзя. Я вернусь через четыре темноты. Может быть. Не ходите за мной! – он рванулся в полуоткрытую дверь. Вечерний полумрак поглотил маленькую фигурку.

Волк беззвучно закрыл двери. За спиной слышались шаги Флэр.

– Ты всё слышала? – не оборачиваясь, спросил Волк.

Флэр подошла к нему вплотную и обняла крылом.

– Не делай этого, – шепнула она.

Волк медленно обернулся.

– Не делать чего?

– Этот мир живёт своей жизнью, – тихо сказала Флэр. – Мы здесь чужие.

Помолчав, Волк Аррстар потушил свет в прихожей и прошёл в комнату, где семья испуганных аборигенов забилась под кресло. Следом вошла Флэр.

Они хорошо понимали друг друга.

Успокаивать гостей взялась Флэр. Помня обещание, Волк не стал их ни о чём расспрашивать, но оставить тайну нераскрытой было для него невыносимо. Дождавшись темноты, он прокрался в звездолёт и быстро поднялся в рубку.

Здесь, среди прочих приборов, находился пульт управления диагностическими микроботами. Эти миниатюрные антигравитационные машинки, размером в половину детского когтя, были предназначены для поиска неисправностей в труднодоступных местах корабля, а потому обладали датчиками вибрации, микропрожектором и мощным многодиапазонным светоусилителем, способным превратить в день даже вечную тьму межпереборочных полостей. Сейчас, впрочем,

Волк собирался использовать микроботов иначе.

Усевшись в пилотское кресло, он надел очки внешнего обзора и привычно подключился к корабельному мозгу. Изображение рубки потускнело, на его фоне возник разрез звездолёта. Волк быстро задействовал ресурсы диагностического контроля.

– Поиск инородных тел, локация – носовой сектор, внешняя обшивка.

Спустя несколько секунд, перед Волком возникло покачивающееся изображение корабля. Сильный ветер мешал полёту микробота, машинку бросало из стороны в сторону.

– Ручное управление. Запись всей информации.

Под руками Волка вспыхнули сенсорные голограммы джойстиков. Умело двигая пальцами, выпуская и втягивая когти, он направил микробота к лесу, переключив камеру в инфракрасный диапазон.

Искать пришлось недолго. Всего через час, на виртуальном экране перед Волком заалело крупное скопление теплокровных существ. Опустив микробота на ветку дерева, учёный вновь переключил камеру в видимый диапазон и до предела поднял чувствительность. Слабый лунный свет – у Оррокана был всего один, очень далёкий спутник – сразу превратился в полдень.

Волк сузил глаза. Большая, совершенно круглая поляна была ему знакома; летом они с Флэр летали над лесом, и она обратила его внимание на правильность формы этого места. Тогда они не стали спускаться, поглощённые новизной планеты. Сейчас Волк крепко об этом пожалел.

Поляна была полна кецев. Необычайно тихие и подавленные, они в беспорядке сидели на траве, некоторые – семьями, другие в одиночку. Никто не ходил от группы к группе, впечатление угрозы передавалось даже сквозь камеру микробота. В стороне, у кустов, Волк заметил кого– то более крупного: дав приближение, он чуть не задохнулся, узнав Шау'кхара. Через плечо парда был перекинут большой брезентовый мешок.

– Не ходите в лес?.. – прошептал Волк. Сами собой выдвинулись когти на руках, усилием воли он втянул их обратно. Точно управляя микроботом, Волк двумя перелётами опустил его на ветку в пяти метрах от парда. Шау'кхар ничего не заметил.

Потянулось время. Волк не знал, чего ждать, поэтому был вынужден не сводить глаз с экрана; на поляне, Шау'кхар ходил взад– вперед, кутаясь в свой полосатый плед. Было видно, что и ему, и кецам очень холодно.

Волк уже царапал пол от нетерпения, когда на периферии изображения ему почудилось... нет, не движение. То, что произошло, напоминало струение ртути по металлу; замороженный свет в кусочках чёрного хрусталя; ожившую модель Галактики, сотканную из дыма. Вздвогнув от неожиданности, Волк судорожно повернул камеру – ничего.

– Сканирование всех диапазонов, – выдавил он внезапно севшим голосом. Картинка на экране стала меняться с интервалом в одну секунду.

Когда камера дошла до дальнего ультрафиолета, Волк вскрикнул и судорожно вцепился в подлокотники кресла. Бесстрастный робот показывал несколько прозрачных фигур, очертаниями напоминавших клубящиеся облака из блестящих треугольных призм. Они плавно скользили над землёй, не замечая ни кустов, ни деревьев, пролетали сквозь абсолютно чёрные в ультрафиолетовом диапазоне тела кецев. На поляне, судя по всему, ещё ничего не заметили.

– Общий план... – прошептал Волк. Его гребень встал дыбом. Изображение рывком отодвинулось: стало видно, что призраки окружают полянку огромным шестиугольником. В вершинах находились более крупные... существа? Остальные выстраивались ровными линиями, по три на каждом ребре. Волку потребовалась вся сила воли, чтобы успокоиться и обдумать открытие.

– Не сражайтесь с планетой, – пробормотал он, возвращая камеру в видимый диапазон. Призраки сразу исчезли.

– Флэр, – Волк нажал клавишу интеркома. В уголке виртуального зрения возникло изображение с камеры купола. – Флэр, ответь.

– Слушаю.

– Хватай кецев и немедленно в корабль. Свет в куполе не туши.

– Ясно, – коротко отозвалась она. Волк уменьшил картинку с её камеры и вновь обратил всё внимание на поляну. Там продолжалось ожидание.

Несколько минут прошли в тишине. Наконец, за спиной Волка прозвучал сигнал лифта и знакомый, родной запах коснулся ноздрей. Флэр опустилась в кресло

второго пилота.

– Где кецы? – не снимая очков, спросил Волк.

– В салоне. Я закрыла все двери.

– Отлично, – он кивнул. – Задрай люк, отключи воздушные фильтры. Полная готовность к старту.

Пауза.

– Сделано.

– Включи мезонную защиту. Боевой режим.

– Сделано.

– Теперь надень очки и просмотри запись того, что я видел пару минут назад.

Флэр молча последовала совету. Тем временем в лесу наконец произошли изменения; то невероятное нечто, похожее на струящуюся галактику из ртутного дыма, появилось в центре полянки, слегка задев молоденького кеца. Завизжав от страха, тот бросился прочь, но его сразу перехватили взрослые.

Мгновенно всё пришло в движение. Кецы с невероятной чёткостью и слаженностью построились в шестиугольник, оставив центр поляны свободным; Шау'кхар шагнул внутрь фигуры. Волку не пришлось переключать камеру в ультрафиолет, чтобы понять – лемуры в точности повторили узор, созданный невидимыми призраками.

Он услышал, как судорожно вздохнула Флэр и ощутил её руку, вцепившуюся в подлокотник.

– Что это?.. – прошептала она.

– Не знаю, – тихо ответил Волк. – Будем наблюдать.

Клубящееся нечто в центре поляны постепенно обретало форму пирамиды. Волк до предела поднял чувствительность датчика вибрации, надеясь использовать его как микрофон, но мембрана была слишком груба. Шум ветра забивал все звуки. Судя по изображению, кецы хором пели какую-то песню, их рты синхронно открывались и закрывались. Шау'кхар совершенно спокойно стоял рядом с призрачной пирамидой. Видимо, не впервые присутствовал на церемонии.

– Оно приходит со снегом... – прошептала Флэр. – Волк, Непернатый боялся идти в лес. Кецам грозит опасность, мы должны...

– Шшшшш! – Волк стиснул руку подруги. – Они делают это не в первый раз.

– Но почему же он боялся?

– Скоро узнаем, – тихо сказал Волк. Камера показывала, что лемуры прекратили пение и начали медленно, ритмично перестраиваться. Шестиугольник с призрачной пирамидой в центре разомкнулся, между южными "вершинами" открылся узкий проход. Одновременно, с внутренней стороны северного ребра отделилась одинокая фигурка кеца.

Затаив дыхание, Волк и Флэр смотрели, как пушистый абориген, дрожа, приблизился к пирамиде, прошёл сквозь её пульсирующие грани и бегом бросился к бреши. От шестиугольника отделился следующий кец, за ним уже шёл третий...

Флэр ахнула.

– Их помечают! – она схватила Волка за руку. – Ты видишь?! Вначале невидимые объекты строят периметр, чтобы никто не сбежал, затем появляется "исполнитель", и пропускает сквозь себя каждую особь. Их просто помечают!

Волк медленно покачал головой.

– Нет, Флэр, – он стиснул зубы. – Их отбирают.

Камера с беспощадной чёткостью показывала, как от рядов кецев отделилась знакомая фигурка в нелепых доспехах из коры. Непернатый шёл медленно, заставляя себя совершать каждый шаг. Волк и Флэр невольно подались вперёд, словно могли помочь... Поздно. Коснувшись пирамиды, Непернатый рухнул на землю. К нему сразу подошёл Шау'кхар, поднял безвольно обмякшее тельце и сунул в мешок. Остальные пушистики не обратили на смерть почти никакого внимания.

– О, звёзды... – прошептала Флэр.

– Теперь понимаешь? – Волк хрипло дышал от ярости. – Их отбирают. И Непернатый знал, что его семья будет забракована. Он сознательно пошёл на смерть ради них.

Флэр сорвала очки.

– Я проверю их геном! – она бросилась прочь из рубки. Волк ещё некоторое время наблюдал за церемонией, но жертв больше не было. С трудом переведя дыхание, он отключил микробота и снял очки. Происходящее до жути, до остановки сердца напоминало кошмарный сон.

– Есть много способов освежевать кошку... – Волк с хрустом сжал когтистые пальцы. Следовало навести кое– какие справки.

Глава 5

Утром Флэр нашла своего мужа в павильоне нулевой гравитации, где Волк, паря в воздухе, изучал материалы по планете Оррокан. При виде подруги он невесело улыбнулся.

– Какие новости?

– Никаких, – Флэр покачала головой. – У меня нет точки отсчёта. Я построила генные карты всех наших пушистиков, но их надо сравнить с картой аборигена, прошедшего пирамиду. Волк, поймай мне кеца.

– Это успеется, – Волк кивнул на видеопанель, парившую в невесомости. – Я кое– что раскопал. Помнишь, Шау'кхар говорил о заповеднике?

Оттолкнувшись, Флэр воспарила над полом и, легонько взмахивая крыльями, подлетела к Волку. Тот немного развернул панель, чтобы подруге было видно.

– Смотри, – он коснулся сенсора. – Вот первооткрыватели планеты.

Флэр удивлённо моргнула:

– Что это за вид?

– Вэйтары, – объяснил Волк. – Разумные ящерицы с планеты Гендаси. Про них мало кто знает, на редкость спокойная и миролюбивая раса. Они прирождённые звездонавты; в среднем, каждый вэйтар проводит в космосе более десяти процентов жизни.

Флэр задумчиво взглянула на мужа.

– Что нам это даёт?

– А ты посмотри на дату.

– Сто семидесятый год. Ровно сто двадцать лет назад.

– Запомним эту цифру... – Волк пробежался когтями по сенсорам управления.

– Так получилось, что я знаком с правящим советом Гендаси. Вчера, через сеть

подставных серверов я связался с ними и попросил выслать архив открытий за сто семидесятый год. Не желаешь ознакомиться?

Взгляд Флэр был достаточно выразителен. Волк усмехнулся.

– Бортовой журнал дальнего разведчика "Эсекакурд", порядковый номер 79004, запись 812. Тридцатый сектор. Обнаружена обитаемая планета, тип... масса... альбедо... состав атмосферы... ага, вот: население – одна разумная раса, полуводная, общественные всеядные рептилоиды, та– та– та, та– та– та, уровень развития F0.

Волк посмотрел на подругу. Довольно долго в павильоне царила тишина.

– Может, они просто не заметили? – спросила наконец Флэр. – Ящерицы всегда станут искать разум у рептилий.

– Это отчёт профессиональных разведчиков с планеты, где каждый обитатель – астронавт. Хорошо, допустим, они пропустили кецев; но спутать уровень развития F0 с D1 сможет разве что слепой.

Флэр повернулась в воздухе.

– Ты хочешь сказать, что за сто двадцать лет местные рептилии прошли палеолит и неолит, вплотную приблизившись к бронзовому веку? А кецы превратились из животных в разумную расу?

– Я хочу сказать, самое время поговорить с пардами, – мрачно ответил Волк. – У нас осталось четыре дня. Потом всё кончится, и если мы не узнаем ответа, ждать следующей возможности придётся как минимум год.

Флэр покачала головой.

– Больше. Я немало размышляла над вчерашним. Волк, мне кажется, перед нами типичный генетический полигон. Некто – назовём их "фараонами"...

– Почему фараонами?! – опешил Волк.

– Фараоны строили пирамиды.

– Их и на Дракии строили, в зонах тайфунов. Четырёхгранная пирамида обладает максимальной устойчивостью при минимальной площади поверхности, её несложно построить из камня и...

– Ты меня слушать будешь или нет?! – прошипела Флэр.

Волк поспешно прикрыл рот крылом. Флэр для острастки ещё немного пошипела.

– Так вот, эти "фараоны" ведут себя подозрительно похоже на биологов. Имеется популяция кецев; задача – вывести или обнаружить особь с заданными характеристиками. Методы совершенно логичные: контроль над каждым поколением, отбор лучших, отсев ненужных. Не хватает главного инструмента – избирательного скрещивания, но что мы знаем о размножении кецев? Вполне возможно, во время церемонии их "обучают" выбирать себе правильных партнёров. Полагаю, пирамида будет появляться не каждый год: зачем проводить повторные анализы одних и тех же особей? Скорее всего, "фараоны" следят за популяцией кецев и чередуют церемонии по мере обновления генофонда. Вопрос лишь в том, какие характеристики им нужны? Что они развивают, кого хотят вывести?

Волк встрепнулся:

– Постой. Непернатый обмолвился, что когда "настанет время", второй народ из пяти – рептилии – им поможет. Это сильно пахнет религией мессианского типа.

Флэр помолчала.

– Возможно, – признала она неохотно. – О религии я не подумала. Если церемония несёт культовую основу, она обязана быть регулярной. В этом случае, "фараоны" будут появляться ежегодно, независимо от состояния популяции.

Волк опустил голову. Некоторое время в павильоне царила тишина.

– Я мог его спасти, – глухо произнёс учёный. – Я мог посадить его под замок, а в лес послать робота– клона.

Флэр ласково коснулась мужа.

– Не казни себя. Непернатый сам принял решение...

– Кому от этого легче? – резко спросил Волк. – Мне? Или его семье? Я мог помочь, но не помог. Как какой– то паршивый бог, сидел в безопасном корабле и смотрел на его смерть!

Он стиснул когтистые пальцы.

– Прошлого не исправить. Но живым ещё не поздно помочь. Мы должны это сделать, любимая. В память о Непернате, ради его семьи. Мы должны помочь кецам.

Флэр улыбнулась.

– Мы сделаем это, Волчонок, – она лизнула его в нос. – Ты всё тот же

романтик...

Волк тяжело вздохнул.

– В смерти мало романтики, – ответил он невесело. – Особенно для кецев. Что говорят наши пушистики? Ты ведь спрашивала их?

– Вот второе, что меня беспокоит, – Флэр посмотрела в глаза Волку. – Они не знают. Ни самка, ни малыши. Похоже, они там ни разу не были, а значит Непернатый прячет их не в первый раз.

Волк машинально кивнул. Он размышлял.

– Флэр, нам, возможно, грозит опасность, – сказал учёный после паузы. – Теперь мы будем постоянно носить оружие и защитные пояса. Не снимай треккер даже при купании, пусть работает днём и ночью.

– Нельзя показывать противнику, что мы о нём знаем! – возразила Флэр.

Волк покачал головой.

– Нет. Безопасность важнее. С этого мига – ни шагу без пояса и треккера.

– Р– р– р– р– р...

– Так нужно, любимая. – Волк нежно погладил подругу. – Особенно в твоём положении.

Флэр со вздохом потёрлась головой о плечо мужа.

– Хорошо, пусть будет по– твоему. План действий?

– Бери катер, – решительно сказал Волк. – Лети к экватору. В контакт с рептилиями не вступай; с воздуха, используя локаторы, попытайся определить, идут ли у них церемонии вроде вчерашней.

– Это наверняка будет происходить под водой, – заметила Флэр.

Учёный кивнул.

– Скорее всего.

– А что будешь делать ты?

Волк нехорошо улыбнулся:

– Изучать этологию *Panthera pardus sapiens niveni*.

"И мстить за Непернатого" – добавил он мысленно, но вслух этого не сказал.

Флэр и без того нервничала.

Шум турбин катера давно стих. Волк стоял возле купола, ощущая непривычную тяжесть защитного пояса. Изобретателем этого устройства была легендарная разведчица Тайга Локкхид, с чьей помощью, три века назад, на планете Ринн, молодой Волк возглавил революцию своих сородичей и повёл их к свободе. Сейчас, вспомнив те безумные дни, ликант астрофизики Аррстар невольно улыбнулся. Да, многое изменилось...

Но времени для ностальгии уже не осталось. Осиротевшая семья пушистиков спала в корабельном салоне, под охраной роботов и мезонных полей. Пора было начинать. Расправив крылья, учёный взмыл в небо и помчался на запад, к морю, где жили парды.

С воздуха их домик выглядел удивительно мирно. Двухэтажный, круглый, с оранжевой плоской крышей, где вращалась небольшая антенна радиолокатора. У ворот, весь покрытый грязью, стоял вездеход Шау'кхара; его мыла из шланга маленькая Ката. При виде Волка она улыбнулась.

– Отец дома? – спросил учёный, приземлившись рядом с машиной.

Пардочка покачала головой.

– Они с мамой на космодроме, встречают груз. Скоро вернутся.

– Груз? – переспросил Волк.

– Новое оборудование для маминой лаборатории. Мы его уже два месяца ждём.

"Лаборатория?" – Волк удивлённо моргнул. Парды не говорили, что занимаются научной работой.

– Я подожду их, можно?

Ката кивнула.

– Можно, конечно. А что случилось?

– Ничего страшного, – улыбнулся учёный. – Мне просто надо поговорить с Шау'кхаром.

Фыркнув в усы, маленькая тигрица продолжила мыть вездеход. Некоторое время Волк молча за ней наблюдал.

– Помочь? – спросил он, когда Ката устало вздохнула. Услышав вопрос, она энергично закивала и протянула Волку шланг. Несколько минут они вместе мыли машину.

Внезапно пардочка повернулась к учёному и дёрнула его за хвост:

– Тебе правда триста лет? – спросила она.

Удивлённый Волк машинально кивнул:

– Триста шестнадцать.

– Почему вы бессмертные? – серьезно спросила маленькая тигрица. – Кроме вас, других бессмертных нет.

Волк помолчал.

– Есть, – ответил он мрачно. – Точнее, были на моей родной планете.

– А что с ними стало?

– Не знаю, – вздохнул Волк. – Я не был дома ровно двести два года.

Хвост изумлённой Каты взмыл к небу.

– Почему?

– Мой дом остался в другом измерении. Никто не знает, как его найти.

– Но ведь ты прилетел сюда. Почему ты не можешь вернуться?

Учёный улыбнулся.

– Это не так просто, Ката. Два века назад мы с Флэр, и наши друзья, приняли участие в испытании звездолёта, первого на нашей планете. Капитаном корабля был знаменитый ареал– вождь Мрак, который сегодня известен всей Галактике как командующий флотом Конфедерации.

Волк скрипнул зубами. С Мраком его связывала давняя, неугасающая ненависть.

– Мы совершили несколько прыжков сквозь аномалии К– вихревых течений, это что– то вроде водоворотов, только втягивают они не воду, а само пространство. Нырнув в такую аномалию, можно выскочить "на поверхность" в любой другой, при этом время почти не проходит.

– Я знаю про К– пространство, – кивнула тигрёночка. – Это есть в программе

обучения.

– Умница, – похвалил Волк. – Беда в том, что иногда, очень редко, встречаются аномалии другого типа. Сегодня их уже научились отличать от обычных, но в то время мы даже не знали, что такие бывают... – он стиснул зубы. – Эти аномалии не связаны с К– пространством, поэтому, нырнув туда, космонавты сами создают новую аномалию, новый выход "на поверхность". Он ведёт в другие измерения.

Ката заинтересованно помахивала хвостом.

– А разве нельзя снова нырнуть в неправильную аномалию и вернуться?

– Можно, – улыбнулся Волк. – Только ты вернёшься не домой, а в ещё одно чужое измерение, оттуда – в другое, и можно потратить вечность в поисках обратной дороги...

Он глубоко вздохнул.

– Здесь, по крайней мере, живут наши сородичи. А кто знает, что будет в других мирах? До Катаклизма, пока "неправильных" аномалий не было, моя планета, Ринн, находилась в одном измерении с Дракией. Можно было в любой миг сесть на звездолёт и полететь домой. Теперь мы разделены вечным барьером...

Сзади послышался низкий голос Шау'кхара:

– А разве здесь хуже, чем на вашем Ринне?

Волк обернулся. Парды стояли рядом, одетые в оранжевые служебные комбинезоны, Шау'кхар держал в руке трос, привязанный к парившей за его спиной массивной левитирующей платформе. Тигры подошли совершенно бесшумно.

– Нет, здесь не хуже, – спокойно отозвался Волк.

– Так в чём проблема?

Учёный поднял голову. В его ярких, изумрудно– зелёных глазах на миг полыхнул огонь, триста лет назад сделавший юного Волка Аррстара вождём революции.

– На Ринне у нас с Флэр остались двое детей, – глухо произнёс он. – Уже полтора века я изучаю К– пространство и множественную Вселенную в поисках дороги домой. За это время мною установлены шесть фундаментальных свойств многомерных изломов пространства, открыта связь между структурой К– аномалии и её траекторией в системе координат Ногана, выведена формула градиента

напряжённости поля при квантовом переходе Бальтазара и создана теория локально–неоднородных G– облаков, давшая обоснование для общего уравнения гравитации Танаки. Я дважды получил Ногановскую премию. Но ни на шаг не приблизился к цели.

Шау'кхар задумчиво огладил усы. Маленькая Ката шмыгнула за вездеход.

– Я не знал, – сказал тигр. – Прости.

– Ничего. Это осталось в прошлом.

Пард что– то шепнул Фршате на родном языке и передал ей трос от платформы. При этом он переступил с ноги на ногу; чуткие ноздри Волка моментально уловили сладковатый запах крови. Усилием воли учёный заставил себя не вздрогнуть.

Из– за различий в биологии, молекулы запахов на этой планете плохо различались прищельцами. Ткани местных видов для инопланетян пахли одинаково непривычно, большая часть информации, доставляемой обонянием, приходилась на запахи неорганических веществ и газов. Поэтому сейчас, ощутив знакомый аромат крови, Волк сразу догадался, кому она принадлежала. От неожиданности он чуть не утратил самообладание.

– Что– то случилось? – спросил между тем Шау'кхар. Его подруга подозвала Катю и вместе с нею потащила платформу к дому, во дворе остался только серебристый тигр. С трудом придя в себя, Волк покачал головой.

– Нет, всё в порядке. Шау'кхар, вы, случайно, не летали этой ночью над озером?

Пард удивлённо наострил уши.

– Как мухи?

– Да нет, – Волк заставил себя улыбнуться. – Вчера я стоял у окна, и видел вдали над озером странные огни. Флэр испугалась, мы не спали всю ночь. Сегодня она послала меня к вам, разузнать подробности. Что ей передать?

Тигр тревожно слушал рассказ. Когда Волк закончил, Шау'кхар скрестил руки за спиной и принялся ходить по траве, нервно помахивая хвостом. Он заметно прихрамывал.

– На что были похожи огни?

– Даже не знаю... – задумчиво протянул Волк. – Вначале я решил, что вижу большой дисковидный глайдер – огни образовали правильный шестиугольник, который словно вращался вокруг оси, пропущенной сквозь противоположные вершины...

– Шестиугольник? – отрывисто спросил Шау'кхар.

– Примерно. Но потом огни синхронно разлетелись в стороны и все одновременно погасли. Да! – Волк встрепенулся, словно только что вспомнил. – Они ещё меняли цвета. От тёмно– красного до фиолетового. За миг до конца зрелища, огни стали тёмно– лиловыми, так что, я думаю, они вовсе не погасли, а просто перешли в ультрафиолетовый диапазон...

– Это браконьеры, – оборвал тигр. Он хрипло дышал. – Я знаю такой сигнал. Они, наверно, раздобыли военный корабль, иначе робот бы их засёк.

Волк смерил Шау'кхара внимательным взглядом.

– Военный корабль? – спросил он негромко. – Быть может, мне стартовать в космос и осмотреть планету? С моим эсминцем не справится и целая эскадра пиратов.

– Нет! – пард вздрогнул. – Ни в коем случае! Эти подонки опытные преступники, при малейшем признаке опасности они скроются. Нельзя давать им поводов для тревоги. Волк, возвращайся к Флэр. Ничего не предпринимайте, пока не получите от меня сигнала. Я вызову с ближайшей имперской базы скоростной истребитель, пиратам от него не сбежать.

– "Молот Прогресса" быстрее любого военного корабля, – заметил Волк.

– Нет, нет, нет! Если ваш эсминец взлетит, браконьеры сразу почувствуют неладное. – тигр похлопал учёного по крылу. – Я разберусь с ними сам. Это моя работа. Только покажи место, где видел огни, хорошо?

Волк усмехнулся.

– Разумеется. Залезай мне на спину.

Шау'кхар молча последовал приглашению.

Глава 6

На высоте было холодно. Волк мчался со скоростью, близкой к максимальной, парду приходилось изо всех сил цепляться за его шею. Внизу, утопая в утреннем тумане, проносились деревья.

– Где озеро? – прокричал Шау'кхар, когда Волк лёг на крыло, заложив резкий вираж. Впереди темнела одинокая скала, торчавшая из леса, словно окаменевший звездолёт. Захлопав крыльями, учёный опустился на вершину и помог тигру спуститься.

– Вон там, – указал Волк. – Но мне кажется, огни кружились вокруг скалы, на которой мы сейчас сидим.

Шау'кхар сузил глаза.

– Ты уверен?

Вместо ответа Волк опустил голову и обнюхал влажные камни.

– Ничем не пахнет, – заметил он.

Присев, пард провёл рукой по скале.

– В центре шестиугольника горел огонь?

– Нет.

– Точно не горел?

Волк задумался.

– Не уверен, – ответил он медленно. – Было очень далеко.

Шау'кхар выпрямился, оглядывая местность.

– Странно... – пробормотал он. Волк с любопытством склонил голову набок.

– Почему ты хромаешь?

– Что? – переспросил тигр.

– Ты хромаешь. Вчера утром не хромал.

Шау'кхар вздрогнул.

– А, это... – он бодро рассмеялся. – Ничего страшного. Просто вечером, на

берегу реки, меня подкараулил зубцеспин.

Волк задумчиво кивнул.

– Понятно... Ну что, летим обратно?

Тигр заколебался.

– Нет, – решил он. – Высади меня внизу, на берегу озера. Я поищу следы браконьеров. А сам возвращайся в купол, ты слишком заметен. Это может их встревожить.

Волк отпрянул.

– Ты сошёл с ума? Я не оставлю тебя одного! Это опасно!

Шау'кхар оскалился.

– Для пиратов, да, – он указал на хмурое небо, где мчались тучи, гонимые холодным северным ветром. – В меня вживлён управляющий модуль. На геостационарной орбите висит ретранслятор, робот непрерывно получает сигналы от моего мозга. Достаточно отдать мысленный приказ, и враг обратится в облако раздавленных атомов.

Учёный невольно бросил взгляд вверх.

– Интересно...

– И безопасно, – кивнул пард. – Это оружие невидимо и неотразимо. Бластеры – анахронизм. Как луки.

Волк резко повернул голову.

– В молодости меня однажды изрешетили стрелами до полусмерти, потом оторвали крылья, сломали позвоночник и бросили в ущелье, подышать от ран. – сказал он глухо. – Многие мои друзья навсегда остались в том ущелье. Оружие только инструмент. Гордиться хорошим оружием, означает гордиться инструментами для убийства.

Шау'кхар вздрогнул.

– Я не это хотел сказать...

– Ты ни при чём, – крылатый закрыл глаза. – При слове "лук" я всегда вспоминаю тот бой. Моя первая подруга... Она ждала ребёнка.

Волк скрипнул зубами.

– Её ударили копьём в живот. Схватили сзади за горло, перебили хребет, чтобы

не сопротивлялась, и ударили копьём в живот. Я это видел.

Он взглянул тигру в лицо.

– У нашего рода семейные узы очень крепки, – тяжело произнёс Волк. – После того, что произошло, многие из нас покончили бы с собой. Я остался жить ради мести. Восемьдесят семь лет я выслеживал убийцу своей подруги, трижды дрался с ним в поединке и трижды проигрывал. Он оставлял мне жизнь.

Шау'кхар недоверчиво уставился на Волка.

– Э– это не похоже на то, что я слышал... – пробормотал он.

– Знаю, – глухо ответил Волк. – Знаю. Но теперь у меня есть Флэр. Я живу только ради неё.

Без дальнейших проволочек, он схватил парда подмышки и рванулся в небо, описав пологую дугу к берегу болотистого озера. Во время приземления Волк, как бы случайно, клацнул зубами, раздавив пластиковую капсулу, спрятанную под языком. Небольшое облачко бриллиантовой пыли высыпалось над головой Шау'кхара и мгновенно втянулось в серебристую шерсть. Тигр ничего не заметил.

– У тебя есть треккер? – спросил Волк, поставив парда на землю.

Шау'кхар кивнул, о чём– то размышляя.

– Всё будет в порядке. Спасибо.

– Не за что... – пробормотал учёный, взлетая к тучам.

Оставалось чуть больше трёх дней.

Флэр пока не вернулась. В её катере не было дешифраторов связи, и Волк не решился вызывать подругу открытым текстом. Он поднялся в корабль, запустил микроботов на облёт периметра и включил странный, кустарного вида проволочный прибор, наскоро смонтированный в углу консоли.

Искажённое сферическое изображение сформировалось меж проволок. Голограмма имела вид фасетчатого шара; каждая выпуклая "чешуйка" на его поверхности представляла собой небольшой монохромный экранчик. Большая часть

экранов ничего не показывала: видеопыль, рассыпанная над головой Шау'кхара, была столь мелкой, что многие пылинки провалились в поры кожи и прилипли к микрокапелькам жира у корней волос. Но несколько камер "закрепились" там, где и рассчитывал Волк: в раздвоенных кончиках серебристых шерстинок.

Органическая линза составляла единое целое с ПЗС матрицей, достигавшей размеров в несколько сот молекул. Питалась видеопылинка от тепла тела, а сигнал транслировали они сообща, десять раз в секунду на миг объединяя усилия своих крохотных передатчиков. Дальность связи не превышала сотни шагов; но в пятидесяти метрах над Шау'кхаром, почти невидимый, парил микробот, автоматически следивший за сигналом от видеопылинок и транслировавший его на корабль Волка. Эта технология сохранилась на борту в память о военном прошлом эсминца.

Судя по изображению, пард быстро шагал вдоль берега. Картинка прыгала и раскачивалась, Волку приходилось то и дело сверяться с цветным экраном, куда выводился вид с камеры микробота. Но когда Шау'кхар дошёл до леса, и скрылся под деревьями, эта возможность пропала. Дальнейшее учёный мог наблюдать лишь в сильно искажённом виде.

Минут двадцать тигр шёл на восток, двигаясь с такой стремительностью, словно ему было лет двадцать от роду. В экранах пару раз мелькнули смутные образы животных, но Волк не успел различить, кто именно. Судя по движениям головы, Шау'кхар озирался, видимо что-то искал. Но прошёл почти час, прежде чем он нашёл.

Камера показала широкую просеку, пересекавшую лес с севера на юг. Волк видел её раньше, с воздуха, но особого внимания не обращал. Здесь пард уселся в траву и стал ждать.

Волк тронул призрачный шар, развернув к себе экранчик, показывавший "вид назад". Сплошная стена деревьев в выпуклой монохромной проекции, казалась нелепой декорацией. Но именно из-за несовершенства изображения, Волк разглядел кое-что, укrywшееся даже от кошачьего чутья Шау'кхара.

За пардом следили. Жёлто-коричневая шерсть в оранжевой листве была совершенно невидима, но на монохромном экране слегка выделялась; несколько

кецев тайно следовали за тигром, перепрыгивая с дерева на дерево. Учёный заинтересованно подался вперёд.

– А вы не такие простые, как кажется... – пробормотал он. Тем временем к Шау'кхару, прыгая на ухабах, подъехал вездеход. В кабине была видна Фршата.

Резво вскочив, серебристый тигр забрался в машину и указал напарнице куда–то вперёд. Вездеход тронулся с места. Чтобы не потерять пардов, Волк поспешно приземлил микробота на тент, закрывавший грузовую платформу.

Он даже не удивился, когда цветной экран показал нескольких кецев, беззвучно скользнувших по траве вслед за машиной. Догнав вездеход, ловкие зверьки моментально отыскивали лазейки в его грубой подвеске и, спустя мгновение, снаружи нельзя было даже заподозрить, что машина везёт непрошенных пассажиров.

Парды ехали долго и быстро. С просеки они выбрались на холмистую равнину, где Фршата, демонстрируя великолепные навыки водителя, вела вездеход почти на максимальной скорости. Волк очень беспокоился за кецев: машину так подбрасывало, что микробот то и дело оказывался в воздухе. О том, что творилось в подвеске, страшно было даже думать. Но когда на тяжёлом участке тигрица сбросила скорость и Волк запустил микробота, чтобы осмотреть вездеход снизу, он увидел четырёх лемуров, уютно устроившихся в щели между инструментальным ящиком и мощной лонжеронной рамой машины.

Тем временем показалась синяя гладь реки. Минут десять Фршата гнала вездеход вдоль берега на северо–запад, пока впереди не открылся большой лесистый остров.

Взревев, машина рванулась поперёк течения. За кормой забурлила вода, вездеход погрузился по линию окон. Спустя минуту, мокрая машина выехала на берег острова и наконец остановилась. От электродвигателей, встроенных в ступицу каждого колеса, поднимался пар.

Встревоженный Волк опустил микробота к земле. Лемуров и след простыл; либо они выскочили перед форсированием водной преграды, либо пересидели под водой, и сейчас прятались в лесу. Так или иначе, следить надо было за пардами. Учёный вновь обратил внимание на фасеточный экран.

Шау'кхар уже покинул кабину и стоял рядом с машиной, Фршата пока

оставалась за пультом управления. Они о чём– то говорили, но сильный ветер вновь мешал Волку использовать микрофон микробота. Несколько минут прошли без изменений.

Наконец, Шау'кхар кивнул и потёрся лбом о руку подруги. Фршата оскалилась. Запустив моторы, она развернулась почти на месте и, взвихрив песчаное облако, погнала машину обратно в реку. Серебристый тигр долго глядел ей вслед.

Лес на острове заметно отличался от джунглей, окружавших дом Волка. На острове преобладали низкие, необъятного объёма деревья с воздушными корнями и крупными листьями сложной формы. Каждое такое дерево напоминало маленькую рощу.

Шау'кхар некоторое время стремительно шагал по лесу, лавируя между корнями и молодыми деревцами. Волк старался разглядеть в листве кецев, но безуспешно; даже монохромная камера оказалась бессильной. Между тем пард, похоже, добрался до цели столь длинного путешествия. Склонившись над ничем не примечательным пнём, он вставил в трещину магнитную карточку. Чуть в стороне, на земле, откинулся широкий люк.

То, что за этим последовало, Волк ожидал увидеть меньше всего на свете. Стоило открыться толстой створке, замаскированной дёрном и травой, как на волю рванулась целая толпа кецев. Ошарашенный Шау'кхар попятился: но в этот миг сзади – Волк видел на втором экране – с дерева спрыгнула знакомая четвёрка, предводитель которой в упор выстрелил тигру в шею из духовой трубки. Покачнувшись, пард обернулся, хотел было прыгнуть, но ноги его подкосились. Раскрыв пасть в беззвучном стоне, Шау'кхар рухнул на землю.

Волк вскочил. На цветном экране был отчётливо виден Непернатый, который без своих "доспехов" казался голым и беззащитным. Вскочив на спину поверженному тигру, лемур сильно цапнул его за ухо и победно завизжал, размахивая хвостом. Сквозь шум от ветра донеслись восторженные крики.

– Ты живой?! – прошептал изумлённый Волк. На экране пушистые аборигены окружили Шау'кхара плотным кольцом. Следовало немедленно спасти тигра.

– Непернатый! – позвал Волк, заставив микробота повиснуть в воздухе рядом с лемуром. Кец подскочил и принялся озираться.

– Непернатый! – снова позвал Волк. – Это говорит твой друг! Я вижу вас в волшебном зеркале, но не могу слышать. Не убивайте пятнистого! Я уже лечу к вам, оставьте его для меня!

Лемуры запаниковали. Многие бросились в лес, несколько самых храбрых сгрудились в кучку возле поверженного тигра. Непернатый отчаянно озирался.

– Я друг, – повторил Волк. – Помнишь? Я друг! Твоя семья в безопасности. Я видел, что происходит ночью, я знаю про существ без тела. Я помогу вам! Только не убивайте пятнистого. Он нам нужен!

"А если пард очнётся и вызовет поддержку с орбиты?" – учёный содрогнулся. Можно было экранировать сигналы с биомодуля, но он не знал частоты. Оставался лишь один выход: Волк очень не хотел идти на это, однако выбора ему не оставили. Опасность была слишком велика.

– Боевая тревога, – Волк надел очки виртуального зрения. – Управление вооружением. Опасность атаки из космоса. Цель – автоматический патруллер типа "Кдапт 38", локация – внутренняя орбита.

– Цель найдена, координаты в системе наведения, – мягким голосом сообщил компьютер. В очках отразилась карта звёздного неба, синий векторный график отметил траекторию робота.

Волк глубоко вздохнул.

– Задача: лишить врага боеспособности, параметр: минимальный ущерб технике, метод: негатор инерции.

– К выполнению задачи готов.

– Огонь.

По кораблю прокатился слабый высокочастотный звон.

– Цель поражена.

Волк закрыл глаза. Он знал, что сейчас происходит в космосе, и надеялся что робот не получит слишком серьезных повреждений. Негатор инерции позволял локально аннулировать инерционную массу, но при этом даже незначительный градиент внешних полей создавал в разных точках объекта различные ускорения. Это мгновенно превращало жертву в фарш из атомов и...

– Цель разрушена, – сообщил компьютер. – Задача выполнена.

Волк тяжело вздохнул.

– Отменить тревогу, – он встал. Когда парды узнают, что сейчас произошло, будет много неприятностей. – Перевести все защитные системы в состояние полной боеготовности.

– Исполнено.

– Флэр вернулась? – спросил Волк, направляясь к лифту. Он уже нажал кнопку вызова, когда ответ компьютера приковал его к месту, словно тысячетонная скала, рухнувшая с ясного неба:

– Катер не отвечает. Пилот покинул машину семьдесят три минуты назад.

Глава 7

Флэр долго смотрела в экран заднего вида. Отвернулась, лишь когда стремительная фигура Волка с распростёртыми крыльями пропала вдали. Её губы невольно тронула улыбка.

Она любила своего Волчонка. Романтик, далёкий от реальности, мечтатель, потративший всю жизнь на воплощение мечты. Он придал смысл её существованию. И не только её...

Флэр коснулась живота. Осталось всего полгода. Не местных – год Оррокана длился почти полтора стандартных. Первое время ребёнка нельзя будет выносить из корабля: чуждая биосфера, даже сквозь фильтры, может оказаться опасной. Гравитация здесь на десять–двенадцать процентов слабее, чем дома, это может плохо сказаться на развитии малыша... Придётся организовать укрепляющую гимнастику. Зато ему будет легче учиться летать...

Опомнившись, Флэр встряхнулась и помотала головой. Звёзды, о чём она думает? Они с Волком покинут этот зловещий мир раньше, чем родится ребёнок! Дёрнув хвостом, она поудобнее уселась в кресле и обратила всё внимание на экран. Под катером проносились деревья.

Машина шла на максимальной скорости, делая больше тысячи километров в

час, гул двигателей был неразличим за свистом рассекаемого воздуха. Устье реки и космодром давно пропали вдали, впереди темнел длинный мыс, поросший лесом. В море вокруг побережья виднелись белые бурунчики.

Флэр немного уменьшила высоту, желая рассмотреть их природу. Шёл дождь, видимость была очень плохой. Она перевела экран в инфракрасный диапазон: бесполезно. Холодные капли воды заглушали любой источник тепла.

Флэр задумчиво перебрала когтями. В ультрафиолете камеры катера работали неважно, к тому же днём излучение солнца будет сильно мешать. Но попытка – не всегда пытка, как любил говорить Император. Она уменьшила скорость, включила автопилот и перевела экран в ультрафиолетовый диапазон. Сразу появилась неравномерная туманная дымка: солнечные лучи прорывались сквозь тучи.

Призраков она увидела сразу. Несколько бесформенных ключьев тьмы плыли вдали над деревьями, сопровождая знакомую клубящуюся массу. Их скорость на глаз не превышала сотни.

Флэр закусила губу. Прервать полёт и рассмотреть призраков ближе? Волк просил разузнать о рептилиях, но это может подождать, ведь впереди целых четыре дня. А такого случая может больше и не представиться...

Решившись, она заложила вираж, сбросила скорость и пристроилась в хвост призракам. Те не обратили на катер никакого внимания. На всякий случай, Флэр включила защитный пояс и положила руку на регулятор форсажа.

Привидения постепенно наращивали скорость. Минут через десять, взглянув на спидометр, Флэр с удивлением поняла, что они уже мчатся быстрее пятисот километров в час. Высота и направление оставались неизменны: точно на восток, триста метров.

Ещё полчаса прошли в тишине. Катер вышел из зоны облачности, яркий солнечный свет сделал ультрафиолетовый экран почти бесполезным. Флэр пыталась нащупать призраков локатором, но на минимальной мощности они были невидимы. А поднимать мощность Флэр опасалась, не зная, как отреагируют неведомые организмы на СВЧ излучение.

Впереди виднелись горы. Призраки внезапно ускорились, турбины катера протестующе взвыли. Готовясь к перегрузкам, Флэр поудобнее устроилась в кресле.

Но ей не пришлось испытывать катер на прочность. Подлетев к одному из утёсов, призраки, не снижая скорости, влетели прямо в скалу и исчезли. Изумлённая Флэр резко сбросила обороты.

Несколько минут она водила катер вдоль скал, надеясь отыскать скрытые проходы или трещины. Напрасно. Призраки в самом деле оказались призраками, преследовать их было невозможно. Тяжело вздохнув, Флэр на всякий случай облетела утёс по кругу, в надежде что неведомые существа пролетели его насквозь. Однако их не было и там.

Зато у подножия утёса, полускрытая кустами, темнела большая пещера. Не желая сдаваться так быстро, Флэр посадила катер у входа и заглушила двигатели. Снаружи доносился заунывный вой ветра.

Проверив защитный пояс, Флэр откинула фонарь кабины и спрыгнула на камни. Ветер сразу рванул её крылья. В высоте голубело холодное зимнее небо, одинокая туча торопливо убегала от солнца. Оранжевые кусты безвольно трепыхались на ветру.

Флэр огляделась. Горы испокон веков были родным домом для её сородичей; несмотря на необычный цвет растений, она чувствовала себя уверенно и спокойно. Нигде, ни на одной планете нет ландшафтов красивее, чем горы. Величественные белоголовые пики, грандиозные утёсы, стирающие время в порошок, реки и водопады, свист ветра среди камней... Если умеешь мечтать – лети в горы. Небо здесь кажется близким, протяни руку и коснёшься, величественные скалы заставляют отринуть тревогу, ощутить ничтожность любых забот. Вечность глядит на тебя из-под хмурых каменных бровей. Ущелья... Стоя на краю пропасти, забываешь о своих крыльях, даже если они есть. Внизу, за туманом, купаясь в утренней мгле, видны другие миры. Ты сам пришёл оттуда, тебе всё там знакомо – но с гор, из поднебесья, мир кажется иным. Тебе хочется протянуть руку, ощутить себя богом... Нужна сильная воля, чтобы не шагнуть вперёд, в пропасть. Горы – страна сильных.

...Флэр с трудом заставила себя вернуться на землю. Два года без гор наложили отпечаток на душу, она чувствовала восторг и благоговение. Тревоги осталась на побережье; здесь, в каменном царстве, проблемы лемуринов казались нелепыми и смешными. Какая разница, кто и с какой целью их разводит? Мелкие звериные

страхи! Им, крылатым, не пристало заниматься такими мелочами...

– P– p– p– p– p– p! – зарывав, Флэр дёрнула хвостом. Магия гор отступила. Вернулось чувство реальности. Опустив на глаза ультрафиолетовые очки, Флэр прицепила к рогам прожекторы, включила видеозапись и шагнула вперёд.

Ультрафиолетовые прожекторы придавали пещере нереальный, сказочный вид. Сталактитов не оказалось; местность была сухой, пещера имела тектоническое происхождение. Уже у входа Флэр ощутила слабый запах серного газа.

Она осторожно шла вперёд. Пещера изнутри имела вид сильно сплюсненной раковины, неровные волны на своде ещё больше усиливали сходство. Ультрафиолетовые очки скрадывали подробности.

Минут через пять впереди показалась глухая стена. Разочарованная Флэр осмотрела тупик, но ничего похожего на трещину найти не удалось. Вздохнув, она обернулась... И едва не проглотила язык. У входа, зловеще переливаясь оттенками фиолетового, клубилась знакомая пирамида.

За ней, снаружи, угадывались несколько бесформенных призраков, окруживших выход из пещеры. Потрясённая Флэр внезапно поняла, что оказалась внутри такого же шестиугольника, как ночью на полянке: ведь призракам не требовалось открытое место, и часть их заняла позицию в толще скал. Неизвестные организмы явно собирались исследовать новый для них вид.

– Волк, – Флэр включила рацию. – Волк, отв...

Она с шипением сорвала наушники: тонкий, пронзительный визг едва не лишил её слуха. Наводки в радиоэфире были столь сильны, что по антенне бегали статические разряды. Призраки пока не проявляли агрессии.

Флэр ещё раз осмотрела защитный пояс. Теоретически, это устройство могло защитить от любой угрозы; в его основе лежал принцип статического поля, сама природа которого обеспечивала абсолютную непроницаемость. Но по той же

причине, пояс мог работать только в импульсном режиме, которым управлял компьютер, рассчитанный на известные материальные и энергетические угрозы. Кто знает, сработает ли он с этими призраками?

Ожидание становилось невыносимым. Минут двадцать Флэр простояла у стены, надеясь, что пирамиде "надоеет" висеть у входа и она переместится внутрь, где её можно будет легко обойти. Однако призрак явно никуда не спешил. Попытка бросить в него камень ничего не дала; осколок скалы просто пролетел насквозь. Выбора не оставалось.

Решившись, Флэр сделала первый осторожный шаг. Вблизи поверхность пирамиды производила отталкивающее впечатление: треугольные призмы оказались сотканы из прожилок призрачной субстанции, они непрерывно шевелились, словно клубки червей. Вспомнив, что на поляне пирамида была видна обычным зрением, Флэр подняла очки и невольно улыбнулась. Похоже, призраки не стремились к контакту – в видимом свете пещера казалась совершенно пустой.

– Я разумная, – сказала она вслух, вновь опуская ультрафиолетовые очки. – Вы понимаете звуковые колебания такой частоты? Если да, ответьте аналогичным способом.

Призраки никак не отреагировали. Флэр помедлила. Перед глазами живо встал вчерашний вечер, поляна, брезентовый мешок, безвольно обмякшее тело Непернатого. Может, не стоит рисковать? Лечь в дальнем конце пещеры, подождать. Если она до вечера не выйдет на связь, Волк бросится на поиски, найдёт катер и...

И кинется выручать подругу. Флэр стиснула зубы; характер своего любимого она хорошо знала. Малейший намёк, что ей грозит опасность, заставит Волка буквально свернуть горы. Он не станет, рискуя обвалом, пробивать подземный ход в пещеру, а просто бросится на помощь, или – ещё хуже – попытается уничтожить призраков. Что за этим последует, Флэр отчётливо представляла.

Судорожно вздохнув, она в третий раз проверила пояс и шагнула вперёд. Между пирамидой и стеной имелась небольшая щель. Так она заденет призрака лишь одним крылом...

Лиловая шевелящаяся масса коснулась защитного поля. По кокону стазиса побежали искры, пирамида начала едва заметно пульсировать. Флэр совершила ещё

один маленький шаг.

Опасения оправдались: компьютер пояса не среагировал на призрачную плоть. Фиолетовые прожилки коснулись блестящей изумрудной чешуи. Флэр напряглась, но ничего не произошло. Абсолютно никаких ощущений. Облегчённо вздохнув, она стремительно шагнула вперёд, стремясь побыстрее покинуть ловушку– пещеру.

В этот миг пирамида вспыхнула слепящей электрической звездой. Лиловые разряды ударили во все стороны, внутри призрачного тела отчётливо обрисовался вращающийся клубок молний. От неожиданности Флэр вскрикнула.

Первое видение ударило её, подобно разрушительному цунами. Свет! Она смотрит сразу во все стороны. Чудовищно искривленная картина пульсирует, лиловые облака с непостижимой скоростью мчатся по сферическому небу.

Она двигается! Летит вместе с тучами! Холодный ветер рвёт её плоть, пылинки пронзают насквозь. О, какое это наслаждение! Она не хочет возвращаться в (— — —). Она летит! Её больше не будут заставлять (— — —), как других. Светло, как светло...

Она слышит (— — —) потомков. Надо (— — —), потому что (— — —) уже недолго! Их больше не будут (ПОЖИРАТЬ). Она пульсирует, вспомнив. Она гневается, ветер рвёт её плоть. Она летит. Как светло!

...Чудовищным усилием воли Флэр прервала чужие воспоминания. Пирамида продолжала сверкать, маленькие призраки за стенами пещеры стремительно вращались. "Дети..." – подумала потрясённая Флэр.

Собравшись с силами, она попыталась вернуть пирамиде долг. В памяти, как живые, встали её первые малыши, чувство любви заполнило разум. Отец смеётся, называет их волчатами. Счастливый Волк кувыркается в небе, совсем как ребёнок...

От пирамиды пришло явственное ощущение неправильности, огорчения. Догадавшись, Флэр вызвала в памяти другое: воздушная битва! Они с Волком летят крылом к крылу. Навстречу, издали, мчатся враги, визг ветра, свист стали, крики, боль в крыльях... Жуткое, ни с чем не сравнимое ощущение податливой плоти на когтях. Ночь после боя. Флэр тошнит, её успокаивает более опытная подруга. Запах крови, повсюду смерть, смерть, смерть...

Пирамида запульсировала. Её эмоции были непонятны, таких чувств Флэр не

имела. Зато второе видение оказалось гораздо понятнее первого.

Она в темноте. Мир вновь искривлен, но шестым чувством она понимает, вокруг стены. Их странные, искажённые очертания тревожат разум.

Ощущение! Это может быть только страхом. Она чувствует проникновение в свою плоть, отвращение! Попытка уйти, безуспешно. Смутные образы длинных металлических полос, по ним едут кубические ящики из мерцающего дымчатого тумана. Отчаяние, (---), боль, (жалость?), мольба... Некому слышать, некому!

Флэр внезапно всё поняла. Её передёрнуло, от гнева и недоверия сами собой раскрылись когти. Обернув голову к пирамиде, она уже без страха коснулась её призрачной плоти.

– Бойня... – шепнула Флэр. – Вы бежали с бойни...

В памяти огненной кометой вспыхнул сон Волка. Она не раз пыталась представить, что видит её любимый, но только сейчас, с помощью чуждого существа, ей удалось осознать весь ужас и безысходность этого кошмара. Пирамида отчаянно запульсировала, чувство узнавания заполнило разум Флэр. Страшным усилием воли она заставила себя прервать обмен мыслями.

– Кецы, – проговорила Флэр. Сосредоточившись, послала яркую мысленную картину: знакомый, жуткий конвейер, тела кецев, пульсирующие призраки вокруг. Флэр постаралась вложить в послание обвинение и чувство неправильности.

Пирамида отпрянула – другого слова не подобрать. Лиловое свечение сразу потускнело, клубок молний внутри погас. Флэр ощутила могучее отрицание, гнев и несколько менее понятных эмоций. Надо всем довлела чёткая, совершенно понятная обида.

– Объясни, – попросила Флэр. Мысленно вызвала недоумение, удивление, любопытство. Пирамида отозвалась тусклым мерцанием.

Отрывистое видение, пришедшее от неё, было трудно понять. Смутные тени мчатся в небе, солнечные лучи дробятся осколками. На миг перед мысленным зрением Флэр мелькнула золотистая фигурка кеца, её сразу накрыла тень. Следующий отрывок: долина, полная жуткой призрачной воды, волны подозрительно похожи на агонию. Из глубины этой массы поднимаются пузырьки светящегося газа, внутри каждого виднеются знакомые черты лемуру. Меж ними парят крупные

большеголовые птицы.

Последний фрагмент был совершенно непонятен: вид из космоса на планету, раздираемую чёрными трещинами. Странные тени мчались прочь от гибнущего мира, их догоняли мерцающие огоньки, похожие на солнечные зайчики. Видение окончилось.

Встряхнувшись, Флэр с трудом пришла в себя. Пирамида уже не сверкала, лиловые разряды втянулись в грани. Судя по всему, "разговор" был окончен. Флэр осторожно шагнула вперёд и вышла из пещеры, оставив невероятную собеседницу за хвостом. Катер мирно блеснул неподалёку.

Когда Флэр проходила мимо маленьких призраков, один из них "потянулся" в её сторону и краешком задел защитный экран. Как ни странно, теперь пояс сработал немедленно: кокон стазиса мигнул чёрным блеском. Частичка призрачной плоти оказалась отсечена полем.

Прежде, чем Флэр успела среагировать, разум заполнил ментальный крик. Это можно было назвать только криком – в нём смешались боль, неожиданность и растерянность. Статическое поле абсолютно непроницаемо для любых энергий. Когда кокон сработал, призрак на миг потерял связь с частицей своего тела. Этого хватило.

Мгновенно, быстрее чем способен понять разум, пирамида оказалась рядом. Вспыхнув кроваво– красным огнём, она выпустила сотни щупалец и вонзила их в тело чужака, ранившего её ребёнка.

Флэр умерла раньше, чем упала на скалы.

Глава 8

– Катер не отвечает. Пилот покинул машину семьдесят три минуты назад.

Волку показалось, что стены внезапно сдвинулись. Судорожно втянув воздух, он обернулся.

– Прямая связь с персональным треккером два. Флэр, отвечай.

Тишина.

– Флэр! Отвечай!

Тишина. Волк подбежал к пульту.

– Навигатор, координаты катера один!

На главном панорамном экране появился вид планеты из космоса. Компьютер наложил сетку; стремительное уменьшение масштаба бросило в глаза горы. У подножия утёса ритмично мигала красная точка.

Волк ощутил, как по чешуе растекается холод. Флэр летела в другом направлении и не должна была приземляться.

– Экстренный старт! – он бросился в кресло. – На планетарных моторах! Цель – катер один!

Корабль задрожал. При аварийных стартах, когда перегрузка достигала сотен G, негатор инерции использовался как поглотитель ускорения; но он, подобно защитным поясам, мог работать только в импульсном режиме, поэтому всё время разгона звездолёт сотрясала высокочастотная дрожь. Волк вцепился в подлокотники кресла.

На экране уже горели звёзды. Описав пологую дугу, корабль вновь вошёл в атмосферу и, подобный раскалённой комете, низринул на камни в ста метрах от катера. Волк уже бежал к шлюзу.

– Нет, нет, только не снова... – молил он, пока открывался люк. Крылья рванули ледяной воздух, небо метнулось навстречу. Задыхаясь, Волк рухнул возле машины.

– Флэр! Флэр!!!

Она лежала на холодной скале. Защитный пояс был включен, и всё же она умерла. Она умерла. Она умерла.

Волк медленно опустился на колени.

– Флэр...

В её глазах навек застыло удивление. Пасть осталась чуть приоткрытой, на теле не было никаких ран. Лишь тонкий ручеек крови струился из ноздрей.

...Он двигался как автомат. Вытащил из корабля регенерационную камеру, аккуратно положил туда Флэр. Холодный зимний ветер завывал в утёсах.

На экране вопросительно замигал жёлтый треугольник.

– Реанимация возможна? – бесцветным голосом спросил Волк.

Красный огонёк поставил точку в его жизни. Флэр умерла.

– Анабиоз, – проговорил Волк. Он не понимал своих слов. В памяти горел такой же день триста лет назад. Только тогда было больше крови. Не боли. Крови.

Он долго лежал на камнях, глядя как пыль мчится меж могучих опор звездолёта. Разум застилала мутная, грязная пелена. Слёз не было; они кончились ещё в первый раз. Было только жуткое, чудовищно ясное понимание. Он снова остался один.

Когда солнце коснулось гор, Волк нашёл в себе силы встать. Он ничего не чувствовал. Разум был пуст, сердце превратилось в простой кровавой насос. Смутные видения – всё что осталось от памяти. Тишина. Всё что осталось в жизни.

(Тела покачиваются на крючьях. Он видит Флэр. Её кладут на разделочный стол. Визг дископилы.)

Медленно, шатаясь от боли, Волк поднялся в звездолёт. Проходя через салон, он заметил нескольких пушистых зверюшек, глядевших из– под кресла. В памяти мигнуло что– то знакомое.

– Семья... – прошептал Волк. Если сейчас уйти в тишину, Непернатый лишится семьи. Это неправильно. Молча отвернувшись, он поднялся в рубку и сел в кресло пилота.

– Погрузить регенератор, – проговорил Волк. – Готовность к старту. Цель – координаты микробота 17. Автоматическое управление.

Закрыв глаза. В пульсирующей темноте мчались отрывистые, призрачные видения. Смеющаяся Флэр. Их первый брачный полёт, на Ринне, в звёздную ночь. Другой полёт, многими годами раньше. Ущелье, боевые трубы...

– К выполнению задачи готов.

...Рождение ребёнка. "Твой первый волчонок..." Смех, радость и совершенно новое, незнакомое чувство ответственности за беззащитную жизнь. Полёт в космос. Обучение малыша. "Не жмурь глаза в воздухе..."

– К выполнению задачи готов.

– Выполняй, – Волк закрыл лицо крыльями. Сердце билось неровно, с переборами, боль вгрызалась в виски. Недолго. Осталось недолго, Флэр, он только

отвезёт зверюшек. Надо приказать, чтобы корабль опустился в воду. Нельзя пугать маленьких...

(Для детёнышей есть отдельные линии. Маленькие тела висят на крючьях по два. Работают с ними женщины, там сила не нужна. Забивают их вручную, широкими изогнутыми тесаками вспарывают горло.)

...Посадку не почувствовал. Сквозь облако боли, окружавшее разум, пробился голос компьютера, извещавший об успешном завершении полёта. Волк заставил себя встать.

В салоне он молча поднял испуганных кецев, усадил себе на спину, вошёл в лифт. Пушистики словно чувствовали боль большого друга; даже неугомонные малыши вели себя тихо, мать смотрела на Волка с какой-то странной теплотой. Когда открылся люк и холодный вечерний ветер сунул лохматую голову в звездолёт, они убежали не сразу. Волку пришлось вынести кецев из корабля и посадить на траву. Он смутно ощущал многочисленные взгляды с деревьев.

– Идите, – сказал учёный. – Вас ждут.

Повернувшись, он медленно двинулся обратно. Перед глазами покачивалась разинутая пасть люка. Страх не было; больше, чем сейчас, не будет. Последняя вспышка света, быть может – жар, если обшивка не сразу расплавится... Надо отключить защиту, автопилот не позволит лететь к солнцу. Больше не будет снов. Не будет боли...

– Друг! – прямо на спину Волку с дерева прыгнул Непернатый. – Как ты говорил со мной? Покажи!

Учёный с трудом покачал головой.

– Нет, – он остановился. – Спустись. Я должен лететь.

Ощувив боль в голосе Волка, Непернатый притих и спрыгнул на землю. Со всех сторон бежали кецы, на деревьях их было уже несколько сотен. Холодный ветер гнал по реке волны.

– Друг, что с тобой? – спросил Непернатый. – Куда ты летишь?

Волк попытался обойти пушистиков, но те, словно повинуюсь единому зову, качнулись ему навстречу и преградили путь. Непернатый вышел вперёд.

– Куда ты летишь? – повторил он тревожно.

Волк поднял голову. Звёзд не было видно; в ночном небе мчались тучи. Заунывный посвист ветра до боли, до зубовного скрежета напоминал зимнее ущелье, тремя веками раньше. Тогда он выжил. Крови было больше, но он выжил.

– Солнце, – тихо сказал Волк.

Вся шерсть Непернатого поднялась дыбом.

– Ты летишь на Солнце?!

– Да.

– Возьми меня с собой!

– Я не вернусь.

Пушистик замер.

– Не вернёшься?

– Нет, – Волк зажмурился. – Прости. Я не смогу вам помочь.

Непернатый тревожно посмотрел на большого друга. В его огромных изумрудных глазах медленно рождалось понимание.

– Ты хочешь умереть? – тихо спросил лемур.

Волк опустил голову.

– Моя подруга погибла. Я остался один.

– Ты не один! – Непернатый вскочил, вместе с ним, единой волной, вскочили остальные кецы. Казалось, поляну вмиг заполнили солнечные зайчики.

– Ты не один! – Пушистик прыгнул Волку на шею и вцепился в него всеми лапами. – Мы друзья!

– Это другое, – с трудом сказал Волк. – Прости. Я должен лететь. Моя жизнь...

Он всхлипнул. Слезы, которых не было триста лет, горе, оставшееся в другом измерении, всё это внезапно вернулось, бросив его на колени.

– Моя жизнь... – Волка трясло. – Я всегда был один. В юности я любил девушку, мы хотели создать семью. Она ждала рождения ребёнка. Пришли враги, она умерла, я остался жить. Много лет, один.

Он впился когтями к землю.

– У меня был друг. Настоящий друг, о таких можно лишь мечтать. Мы вместе сражались за свободу, против врагов, мы вместе победили. Но я был бессмертен, а он быстро старел. Он умер, я остался жить. Много лет, один.

Лемуры окружили Волка неподвижным кольцом. Он их не видел. Слова, что рождались в душе, нескладные, смешные, он даже не понимал.

– Моя подруга, Флэр... Она спасла меня, вернула к жизни. Я снова жил, я был не один. У нас родились дети, все были счастливы. Потом мы потерялись в другом мире, дети остались дома. Я снова выжил, ради Флэр. Но теперь она мертва. Она ждала рождения новой жизни, а вместо этого встретила смерть. Она мертва. Я не хочу в третий раз оставаться живым.

Непернатый спрыгнул на землю и встал перед Волком, яростно размахивая хвостом.

– Ты неправильно говоришь, – в голосе лемура слышалось отчаяние. – Так нельзя говорить! Ты не один. У тебя есть друзья, мы! У тебя есть дети, дома. Можно найти дорогу. Можно искать. Можно всё, только надо жить!

Волк поднял голову. Очертания кецев расплывались сквозь слёзы.

– Надо жить! – повторил Непернатый. – Слышишь? Твоя подруга тоже будет жить. Помоги нам! Мы знаем как вернуть ей жизнь. Слышишь? Ты слышишь? Ответь! Ты слышишь? Слышишь?

Волк хрипло втянул воздух.

– Она мертва, Непернатый. Смерть нельзя исправить.

– Можно! – закричал лемур, прыгнув Волку на шею и моментально забравшись на голову. – Я тоже был мёртвый! Меня оживили. Пятнистый умеет оживлять! Он злой. Он оживлял нас и снова убивал, причинял боль. Но мы его победили! А теперь мы оживим твою подругу, а потом ты его съешь, и больше он никого не убьёт!

– Пятнистый? – учёный с трудом пришёл в себя. Он совершенно забыл про парда. – Умеет оживлять?

Непернатый внезапно схватил Волка за внешнюю перепонку уха и довольно чувствительно цапнул.

– Ты, слушай нас! – лемур даже зарычал от злости. – Ты, не должен умирать. Пятнистый – колдун. Он украл знание Бесплотных, наших создателей. Бесплотные умеют создавать жизнь из мёртвого. Пятнистый говорил нам, что хочет научиться их секретам, чтобы никогда не умирать. Он много холодов следил, как Бесплотные нас

лечат...

– Лечат?! – вырвалось у Волка.

– Лечат, – терпеливо повторил Непернатый. – Бесплотные другие. Не такие как мы. Они не злые и не добрые. Просто другие. Если кец болен, они вылечат. Если у него болезнь опасная для друзей – убьют. Если у кеца могут быть неправильные дети, Бесплотные делают так, что детей больше не будет.

Лемур говорил быстро, с напряжением, явно стараясь отвлечь Волка от его горя.

– Мы не любим Бесплотных. Они создали нас, но запретили многое делать. Они лечат, но и убивают. От них нельзя спрятаться, многие пробовали раньше. Моя вторая подруга – неправильная. У неё родился ребёнок с кисточками на ушах. Бесплотные должны были её убить, но я сказал: так неправильно. Это было десять холодов назад. Мы собрались вместе, все, пришёл пятнистый. Я рассказал ему про Бесплотных. Он сначала не поверил. Потом поверил. Начал их изучать, сказал что поможет нам. Десять холодов моя вторая семья пряталась в его доме, когда приходили Бесплотные.

Лемуры становилось всё больше и больше. Вскоре полянка до самого берега была заполнена жёлто–коричневыми зверьками, они сидели удивительно тихо. Непернатый продолжал рассказ.

– Пятнистый отвёз меня к морским. Я рассказал им про Бесплотных. Морские тоже их не любят, мы решили вместе прогнать Бесплотных в пещеры, откуда они появились много–много холодов назад. Я не знал про пещеры. Это морские рассказали.

Шерсть Непернатого встала дыбом.

– Когда мы вернулись, пятнистый сказал, что раскрыл главную тайну Бесплотных и узнал, что такое жизнь. Теперь он умел оживлять мёртвых, так сказал. Я спросил, он может оживить тцтцнама, которого съел дропак? Пятнистый засмеялся. Ответил, что оживить мёртвого можно только сразу после смерти, а если хоть одна темнота прошла – уже поздно. Он сказал, чтобы я повёл вторую семью на встречу с Бесплотными. "Но мои дети погибнут!", закричал я. "Так нужно", ответил пятнистый. "Ваши враги знают число кецев, они постоянно за вами наблюдают. Если хочешь

свободы, ты и твоя семья должны умереть. Тогда Бесплотные перестанут за вами следить. А я вас оживлю и отправлю к морским, готовить восстание. Вместе мы победим".

Непернатый прижал уши к голове.

– Я поверил пятнистому, – сказал он. – Пятнистый сильный колдун. Но я люблю свою семью. Я не смог. Я отвёл их к тебе. Потом пошёл в лес. Пятнистый дал мне выпить горькую воду, сказал – так Бесплотные решат, что я больной кец, и убьют. Было совсем не больно. Я боялся, будет больно. Темнота, но я не успел испугаться, как она ушла, а я оказался в клетке.

Лемур обвёл лапкой сородичей, толпившихся кругом.

– Они тоже были в клетках. Это все те, кого убили Бесплотные за три холода. Пятнистый всегда забирал их тела, говорил – есть обычай сжигать мёртвых. А на самом деле он их оживлял, сажал в клетки и не выпускал из подземного логова! Он изучал секреты Бесплотных, а проверял на нас!

Непернатый даже подпрыгнул от ярости.

– Но я умный. Я умнее пятнистого. Я долго думал, зачем он хотел смерти моей семьи, хотя мог спрятать их в своём доме, как раньше. И я понял что пятнистый – не добрый, как ты. Он хищник. Он знал, что я главный в племени, и думал от меня избавиться, потому что я хотел прогнать Бесплотных. Ему было важно узнать секрет жизни, а не помочь нам. Тогда я сказал лучшим друзьям, чтобы следили за пятнистым, когда я умру. Они тайно шли по деревьям и нашли это место. Когда утром пятнистый ушёл, друзья освободили меня и подготовили пятнистому ловушку!

Лемур задрал хвост к небу и издал торжествующий вопль.

– Мы победили! А скоро прогоним Бесплотных! Станем свободные!

Толпа подхватила крик, несколько минут не было слышно ничего кроме визга и радостного тьяканья. Волк пытался собраться с мыслями.

– Где пятнистый? – выдавил он наконец. Надежда, рождённая словами Непернатого, уже угнездилась в душе. Волк гнал её, всеми силами, но вместо этого лишь сильнее верил. Флэр... Неужели, о звёзды, неужели это возможно?!

– Пятнистый умер, – заявил Непернатый. – Но ты ведь сможешь его оживить? Я покажу, где.

Земля содрогнулась, когда звездолёт опустился в полусотне метров от дома пардов. Могучие опоры ушли в песок, звуковой удар отдался звоном стеклостали в окнах. Корабль ещё покачивался на амортизаторах, когда Волк бросился наружу из шлюза.

– Фршата! – он заколотил в дверь. – Фршата!

Не открывали долго. Наконец, послышался сонный голос:

– Что случилось?

– Беда! Скорее, нужна твоя помощь!

Дверь медленно, словно нехотя приоткрылась. Растрёпанная пардия удивлённо оглядела Волка.

– Какая беда?

– Шау'кхар мёртв, – прямо сказал учёный. – Убит отравленной стрелой около полутора часов назад. Но сегодня был очень холодный день, мозговые клетки не могли разрушиться так скоро. Фршата, ещё не поздно его оживить!

Сглотнув, пардия попятилась.

– Мёртв? – прошептала она. Содрогнувшись, прислонилась к стене, зажмурилась. Волк ждал.

– Нельзя терять времени, – выдавила наконец Фршата. Перемена произошла мгновенно: потрясённая горем пожилая тигрица словно превратилась в яростную молодую пантеру. Крикнув внутрь дома что– то на родном языке, пардия как была, полуобнажённая, бросилась наружу. Волк мчался рядом.

– Как это случилось? – рявкнула Фршата, когда они ворвались в корабль. Поднимаясь в лифте, Волк коротко объяснил. Фршата тяжело дышала.

– Сколько времени твоя подруга была мёртвой вне холодильника?

– Несколько минут...

– Её можно будет оживить, – отрывисто бросила тигрица. Пока учёный готовил корабль к взлёту, она металась по рубке, точно зверь в клетке. – Шау'кхару

придётся хуже. Полтора часа, даже в холодном климате, грозят асфиксией внешних участков серого вещества. Возможна частичная амнезия и даже церебральная анемия с полной потерей памяти...

– Я поместил его в регенератор, едва узнал, – Волк вёл корабль на пределе ускорения.

– Регенератор не поможет, – хрипло отозвалась Фршата. – Только анабиоз. Нервные клетки очень неустойчивы, они первыми выпадают из Ка– резонанса.

– Откуда? – переспросил Волк. Звездолёт приземлился на берегу острова, рокот двигателей стих. Они с Фршатой одновременно бросились к лифту.

– Ка– резонанс, – пока кабина опускалась, тигрица смотрела в сторону. – Это открытие моего мужа. То, что мы называем жизнью, на самом деле – пятое фундаментальное взаимодействие. Гравитация, электромагнетизм, сильное внутриядерное, слабое внутриядерное и Ка– взаимодействие. Оно оказывает влияние только на весьма специфические макроструктуры, поэтому до сих пор его и не обнаружили.

Двери открылись. Фршата и Волк выскочили в коридор нулевой палубы.

– Не верю! – на бегу бросил учёный. – Как мы могли пропустить пятое взаимодействие?!

Пардия хрипло дышала сквозь зубы.

– До открытия бета– распада никто и не предполагал, что существует слабое внутриядерное. До создания общей теории поля, никто не ожидал найти связь между сильным ядерным и гравитационным...

– Но в основе жизни лежит химия, а не ядерная физика!

– Неужели? – Фршата метнула на Волка насмешливый взгляд. – А что лежит в основе химии?

Волк нажал кнопку у шлюза. Массивный люк начал открываться.

– Хорошо, допустим всё так и есть. Какое воздействие оказывает Ка– взаимодействие на материю?

– Лазеры, – коротко бросила тигрица. – В простейших твёрдотельных лазерах излучение возникает при возбуждении атомов рабочего вещества, выполненного в виде длинного стержня с зеркалами на обоих торцах. Атомы всегда возбуждаются

хаотически: их электроны меняют энергетические уровни, испуская фотоны во все стороны. Но рано или поздно, один атом случайно испускает фотон в точности параллельно оси стержня. Фотон возбуждает соседний атом, заставляя его в свою очередь возбудить следующий, и в неуловимо малое время все атомы в стержне начинают излучать когерентный монохроматичный свет, чьи волны имеют чётко определённую длину и расположены строго вершина к вершине.

– Квантовый резонанс, – кивнул Волк. Фршата свирепо оскалилась.

– Жизнь – то же самое. Почти все частицы способны к Ка– взаимодействию, но проявляется оно лишь для гигантских, сложных макроструктур – органических молекул или сравнимых с ними по сложности неорганических. Мы только начали изучать это явление, Волк, многое пока остаётся неясным, но уже сейчас мы знаем, что в определённых соединениях частицы входят друг с другом в Ка– резонанс и меняют свойства всей макроструктуры, причём не только физические, но и химические. Реакции, протекающие в таких структурах, как бы становятся когерентными, общенаправленными, резонанс стабилизирует и резко ускоряет их течение. Это можно сравнить с магнетизмом: железный брусок, взаимодействуя с магнитным полем планеты, ориентирует вдоль него свои микрочастицы и становится природным магнитом, получив способность притягивать другие бруски. Благодаря Ка– резонансу, органическая молекула обретает умение образовывать живую материю. Ка– взаимодействие создаёт движущую силу для химической эволюции, а главное, оно способно расширяться до уровня клеток и даже целого организма. Клетка – невероятно сложная структура, Волк. Если представить каждый атом в виде звезды, вся наша Галактика окажется меньше любой живой клетки. И именно Ка– резонанс поддерживает стабильным тот самый сложный комплекс биохимических реакций, который мы называем жизнью. Смерть – просто нарушение резонанса в организме, потеря "настройки" на собственное Ка– поле; то же самое происходит с магнитом, если ударить его молотком. Но железный брусок можно вновь намагнитить, вернув ему первоначальные свойства. Шау'кхар нашёл способ "перемагничивать" органику. Если искусственно придать телу Ка– резонанс, мертвеца можно оживить и держать в регенераторе достаточно долго для заживления любых ран. Ведь регенератор способен восстанавливать даже нейроны, даже хромосомы в

ядрах клеток! После этого тело вновь входит в резонанс со своим Ка- полем, и внешняя поддержка становится ненужной. Это ключ к бессмертию, Волк! Главное, успеть прежде чем разрушится память, иначе оживёт новорожденный младенец...

Они уже покинули корабль и подбежали к люку в земле, вокруг которого толпились кецы. При виде лемулов Фршата зарычала.

– Где Шау'кхар?

– В регенераторе, – Волк кивнул на два огромных белых цилиндра, стоявших рядом с люком. – Во втором моя подруга.

Фршата яростно огляделась.

– Ты не поместишься в лаборатории, – бросила она. – Жди здесь.

Разгерметизировав камеру регенератора, тигрица ухватила тело Шау'кхара, забросила себе на спину и скрылась под землёй.

Глава 9

...Я врываюсь на бойню, круша окровавленные стены. Рык мой разносится по всем уголкам дома смерти, тела раскачиваются от вихря, созданного крыльями. Ярость! Я долго этого ждал. Сила пляшет в моих глазах, свет раскалённых зрачков прожигает сумрак. Они бегут! О, как напрасно! Гнев мой неутолим, я питаю себя ненавистью, мне даже не нужно их касаться – они растворяются в моём бешенстве. За спиной поднимаются жертвы. Тела срастаются, раны заживают, мощь моего гнева прогоняет саму Смерть. Мы стоим на кровавом полу, мы живы! Свет наших глаз давит последние ключья тьмы. Я смеюсь, смеюсь, смеюсь!

Братья и сёстры бьют крыльями, дети танцуют в лучах солнца. Смерти больше нет! Она – последняя, кто умер в этом мире, и мы беспощадны, мы никогда не позволим ей вернуться. Этот мир – наш! Нам здесь жить!

Крики. Радость и жизнь,

Блеск разноцветных глаз.

КРЫЛЬЯ. СЧАСТЬЕ И СМЕХ,
СОЛНЦЕ СМОТРИТ НА НАС!
БРАТЯ МОИ ТАНЦУЮТ,
В СВЕТЕ НОВОГО ДНЯ.
СЁСТРЫ И ДЕТИ НЕЖНО
К НЕБУ НЕСУТ МЕНЯ.
СМЕРТЬ НИКОГДА НЕ ВЕРИТ,
ЧТО ЕЙ ПРИДЁТ КОНЕЦ –
СЛИШКОМ УЖ ДОЛГО НОСИТ
ЛИПКИЙ ОТ КРОВИ ВЕНЕЦ.
МЫ – ДЕТИ ЗВЁЗД И СВЕТА,
ЖИЗНЬ В НАС ГОРИТ ОГНЁМ!
БОЛЬШЕ НИКТО НЕ СМОЖЕТ
СДЕЛАТЬ СМЕРТЬ КОРОЛЁМ.

...Волк проснулся задолго до рассвета. Он тяжело дышал, видение пылало перед глазами. Справившись с собой, Волк встал и набросал на клочке бумаги стихотворение, рождённое во сне.

За широким иллюминатором шёл снег. В медицинском отсеке было тепло, тихонько пищал кардиограф. Установка Шау'кхара уже пятый день была подключена к регенератору, поддерживая жизнь воскрешённой.

Волк постоял над ложем. В его глазах мерцали слёзы: Флэр была прекрасна. Как можно желать ей смерти? Кто, что за чудовище оказалось способно сделать реальностью кошмарный сон?

Перед глазами вновь мелькнула картина из видения. Конвейер, тележки... Флэр, вниз головой подвешенная на крючьях. Дископила. Волк так стиснул зубы, что из дёсен проступила кровь.

Вновь болело сердце. Судорожно выдохнув, Волк подошёл к аптечке, висевшей у двери. Где же дремий... Он всегда клал сюда упаковку. Почему его нет именно тогда, когда он так нужен...

– Лекарство на столе, – слабый голос сзади заставил Волка уронить пачку

таблеток.

– Любимая, ты очнулась! – он рухнул на колени рядом с ложем.

Флэр слабо улыбнулась.

– Что случилось? – прошептала она. – Я не помню...

– Всё хорошо, теперь всё хорошо! – он прижал к себе подругу. Крылья тряслись. – Всё будет хорошо, любимая. Ты только живи. Всё будет хорошо...

Флэр слегка повернула голову, разглядывая установку внутривенного питания, к которой было подключено её тело. По словам Фршаты, для перехода на природный Ка– резонанс требовалось от десяти часов в случае маленьких лемунов, до нескольких дней для крупных сапиенсов.

– Волк... – Флэр сглотнула. – Я вступила в контакт с призраками. Они беженцы, Волк. Я обменялась воспоминаниями с лиловой пирамидой...

– Не напрягайся, любимая, – Волк нежно лизнул её в нос. – Тебе нельзя много говорить.

Открылась дверь. В медотсек заглянула сонная, растрёпанная Фршата.

– Волк, ты кричал... – она заметила Флэр и глубоко вздохнула. – Поздравляю.

Волк беспомощно улыбнулся. Присев на край ложа, тигрица коснулась запястья Флэр.

– Пульс в норме, – она улыбнулась. – С возвращением, крылатая.

Синие глаза Флэр обежали каюту и замерли на корешке старомодной пластиковой книги, лежавшей на столике у ложа.

– "Франкенштейн" – вслух прочла она. Удивлённо взглянула на любимого: – Это ты читаешь?

Волк смущённо кивнул.

– Как– то... потянуло.

Флэр притихла, о чём– то задумавшись. Внезапно её хвост дёрнулся:

– Я была мертва? – спросила она недоверчиво.

Волк содрогнулся.

– Что за глупости! Ты просто потеряла сознание, мы...

– Волк, – Флэр приподнялась. – Я была мертва?

В медотсеке воцарилось мрачное молчание. Наконец, собравшись с силами,

Волк заставил себя кивнуть.

– Да.

– Но я... – она отпрянула. – Я думала... После Ринна... Думала, смерть ещё не конец.

– Так и есть, – серьезно ответила Фршата. – Мы победили смерть, Флэр.

– Нет, – она легонько покачала головой. – Ты... не поняла. Я верила... Что после смерти попаду в другой мир. Люди на Ринне... Они так убедительно говорили! Но ничего не было. Тьма и боль, вот и всё. Никаких миров. Никакого бога...

Волк и Фршата переглянулись.

– Всё в порядке, Флэр, – ласково ответил учёный. – Ты жива. Смерти больше нет, мы победили её раз и навсегда. Смерти нет, запомни! Мы живы и будем жить вечно!

Флэр слабо улыбнулась. Она не расслышала, как пожилая тигрица пробормотала в сторону:

– Вы, быть может...

Вновь повисла тишина. Чтобы разогнать напряжение, Волк обернулся к Фршате:

– Как Шау'кхар?

– Плохо, – тигрица опустила голову. – Тело уже здорово, сегодня я отключу установку. Но память, особенно кратковременная, сильно пострадала. Он помнит только меня, детей, и важные события.

Она вздохнула.

– Могло быть и хуже. Намного хуже. Наши первые Ка– установки слишком громоздкие и прожорливые. Позже, с развитием этой технологии, мы начнём производить миниатюрные, размером в коготь Ка– стабилизаторы, которые можно будет носить на манер головных обручей. Тогда, в независимости от срока, прошедшего после смерти, оживлению станут подвластны даже полностью разложившиеся трупы. Мозг– то останется живым.

Фрштата поёжилась.

– Надо будет добавить в каждый такой приборчик детектор смерти организма, аварийный маяк и генератор альфа– ритмов, чтобы мгновенно отключал сознание и

боль... – встряхнувшись, она вновь посмотрела на Волка. – Не бойтесь за Шау'кхара. С помощью мнемокристаллов я быстро верну его в норму, а потеря памяти о повседневной жизни за последние годы, возможно, даже полезна.

Учёный резко подался вперёд:

– Фршата, вы проводили опыты на лемурах?

– Да, – ответила тигрица, глядя Волку в лицо. – Первые два года после открытия Ка– резонанса, мы опасались что восстановленное тело окажется нестабильным. Это нельзя было проверить на животных, Волк, животные не обладают разумом. А нам требовалось знать, сохраняется ли разум после воскрешения, не деградирует ли он со временем.

Она покачала головой.

– Кецы, которых убивали Бесплотные, были обречены. Все они – либо генетические мутанты, либо носители рецессивных генов предковой животной формы, либо неизлечимо больные. Так или иначе, вернуть их в популяцию нельзя. Кецы слишком молодой вид, чтобы позволить себе наследственные отклонения.

Серебристая пардия криво усмехнулась.

– Последний год Шау'кхар продолжал спасать аборигенов из чистого альтруизма. Он стерилизовал всех воскрешённых и собирался отвезти их на отдалённый остров, где "неправильные" кецы смогут прожить свою жизнь и тихо умереть, когда придёт время. Возможно, это глупо и мелодраматично. Но мы не машины, Волк. Даже с животными нельзя работать столь цинично, как это делают Бесплотные с кецами.

Волк отвернулся.

– Я тебя породил, я тебя и убью, – глухо проговорил он в сторону.

– Раздави в себе бога, – серьёзно ответила Фршата. – Раздави, пока не поздно.

Боги – это мерзость.

Флэр заставила себя сесть. Она ещё дрожала.

– Фршата, Бесплотные – это призраки? Что вам о них известно?

Пардия по– кошачьи перебрала плечами.

– Ничего, – ответила она. – Почти ничего, Флэр. Мы встретили их десять местных лет назад. Это энергетическая форма жизни, скорее всего инопланетного

происхождения. Позже Волк расскажет тебе об открытии моего мужа, Ка– взаимодействии. Пока что, знай: Бесплотные существуют именно благодаря этому феномену. Подобно шаровым молниям, они – упорядоченная форма энергии, только не электрической, а жизненной.

Губы тигрицы тронула невесёлая улыбка.

– В некотором роде, они представляют собой чистую жизнь, как таковую. Вроде древних представлений о душе, или земной "Ка", в честь которой Шау'кхар назвал своё открытие. По словам аборигенов, Бесплотные появились чуть больше века назад. Они превратили местный вид лемунов в разумную расу, дали рептилиям мощный толчок к развитию. На других материках Бесплотные ведут работу ещё с тремя расами: большими птицами, вроде земных сов, хищными родичами кецев – их называют ханджалами, и человекоподобными обезьянами – дронаками, которых кецы боятся и ненавидят. Мы не знаем, с какой целью Бесплотные развивают здесь разум. С ними так и не удалось установить контакт.

– Удалось! – возбуждённо перебила Флэр. Сбиваясь, дёргая хвостом от волнения, она поведала историю своего полёта.

– ...Я уже шла к катеру, когда один из маленьких дотронулся до щита. Он словно закричал, я не уверена... Было ощущение боли. А потом, сразу, темнота – и я очнулась в корабле. Не знаю, почему на меня напали, контакт шёл так мирно! – Флэр поникла. – Я допустила только одну ошибку, когда обвинила Бесплотных в создании бойни для кецев. Это на них сильно подействовало, я хорошо ощутила обиду. Нельзя было говорить такое беженцам с бойни... Может, поэтому они оскорбились?

Глаза Волка превратились в узкие полоски пламени.

– Бойня, – процедил он сквозь зубы. – Беженцы с бойни не строят новые!

– Нет, – запротестовала Флэр, – Они показывали мне видения. Бесплотными двигает какая– то цель, они готовят эту планету к чему– то ужасному. Я думаю, их враги, те, кто построил бойню, рано или поздно сюда нагрянут. И Бесплотные растят армию защитников...

Волк резко встал.

– Самое время защищаться, – бросил он, в ярости покинув медотсек. Флэр с ужасом схватилась за грудь.

– Я пойду за ним! – она попыталась встать. – Помоги, его надо остановить!

Фршата насильно уложила её обратно.

– Я остановлю его, – обещала тигрица. – А ты не двигайся. Ещё несколько дней тебе будет грозить опасность.

Флэр бессильно обмякла.

– Останови... – в глазах показались слёзы. – Пока не поздно!

Волк бежал по коридору, в бешенстве хлеща себя хвостом. От ярости мутилось в глазах. Они... Эти клочки плазмы!!! Убили Флэр!!!

Ничего, он не зря получил две Ногановские премии. Бесплотные – упорядоченная энергия жизни? Отлично. Что такое энергия жизни? Хороший вопрос... В любом случае, энергия и материя тесно связаны. Ка– взаимодействие – свойство материи, материи и ещё раз материи, значит в основе любого Бесплотного обязательно должна быть материя. Не обязательно твёрдая – атомарный газ, способный проникать сквозь вещество, ничем не хуже. А возможно и более сложное решение: Бесплотные существуют только за счёт среды, в которой сейчас находятся. И в том, и в другом случае – вакуум для них смертелен. А если не смертелен, что ж, принцип обратного действия ещё никто не отменял! Установка, вернувшая жизнь Флэр, после перенастройки сможет разрушать Ка– резонанс в любом живом существе. Против такого оружия не поможет никакая защита... Звёзды, что же он придумал...

– Боевая тревога, – рявкнул Волк, ворвавшись в рубку. – Генераторы антиматерии к бою, "Паука" на взлёт! Цель – уничтожение противника; метод – впрыск антигелия в капсулу стазиса с полной изоляцией зоны аннигиляции. Систему наведения на мой шлем!

Он рухнул в капитанское кресло. Ка– оружие? О, небо... С этим ужасом не сравнится ни одна бомба, ни одна бойня. Волк содрогнулся. Перед глазами живо

встали Ка– дестабилизаторы космического базирования, невидимые спутники– истребители, портативные Ка– излучатели, чудовищные крейсера, способные в мгновение ока стерилизовать солнечную систему. Гребень шипов поднялся дыбом, Волк даже зацепился за спинку кресла.

– Полная боевая готовность, – произнёс компьютер.

Учёный страшным усилием воли взял себя в руки. Сейчас не время думать о... таком. Надо отомстить за Флэр. Уничтожить этих тварей!!!

Гнев вернулся, чудовищное открытие было отброшено на задворки разума. Волк свирепо рассмеялся.

– Дайте мне призрака... – он рывком бросил в небо автономный зонд– истребитель типа "Паук", которых на борту имелось десять.

Ультрафиолетовый экран ночью работал великолепно. "Паук" быстрее звука мчался над самым лесом, чёрные силуэты деревьев сливались в неразличимое месиво. Волк искал жертву.

Знакомое фиолетовое свечение вдаль, среди гор, заставило его издать торжествующий рык. Ещё более ускорив "Паука", учёный рванул машину в атаку. На экране вспыхнула изумрудная сетка.

– Волк! – в рубку влетела Фршата. – Не надо!

– Надо... – прорычал он. В перекрестии прицела был виден шестиугольник и лиловая пирамида. Бесплотные, как ни в чём ни бывало, продолжали работать с кецами.

– Не смей! – тигрица вцепилась ему в руку. Волк небрежным движением отшвырнул её к стене.

– Объект в зоне досягаемости, – сообщил компьютер.

Коготь замер над гашеткой. Кецы. Если в шестиугольнике ещё остались лемуры – в ультрафиолетовом режиме не было видно – излучение их перебьёт.

– Инфракрасный, – приказал учёный. Экран моргнул, но остался тёмным. Ни одного кеца! Странно...

Волк стиснул зубы. Пирамида была видна и в этом режиме; она медленно вращалась, размахивая длинными щупальцами. У её "подножия", в снегу, слабо трепыхалось что– то серое. Это не было животным – инфракрасный экран не

показывал тепла. Волк заколебался.

"Уничтожить легко" – пришла мысль. Хрипло выдохнув сквозь стиснутые зубы, он посадил "Паука" рядом с пирамидой и включил прожекторы. Скрываться от этих тварей он больше не собирался.

В обычном свете, серая масса в снегу стала хорошо видна. Это был призрак – такой же, как те, что окружали поляну. Только в несколько раз меньший, почти совсем прозрачный и...

Умирающий. Волк понял это мгновенно, без колебаний. Что– то в призрачной массе, бившейся на снегу, говорило, просто кричало о боли и агонии.

Пирамида напрасно касалась щупальцами своего умирающего малыша. В свете прожекторов было видно, как его колебания слабеют, теряют форму и ритм. Волк ощутил руку Фршаты: тигрица смотрела на главный экран, куда транслировалась картина с "Паука".

– Волк, – голос пардии дрогнул. – Этот тот самый. Помнишь рассказ Флэр?

– С какой стати?! – свирепо огрызнулся учёный. – Мало здесь этих тварей летает? Может, они практикуют жертвоприношения!

– Волк, – с нажимом повторила Фршата. – Это тот самый. Флэр нечаянно его ранила, потому на неё и напали.

Она сняла с Волка шлем. У того раздувались ноздри от гнева.

– Бред, – глухо бросил учёный. – Чем Флэр могла его ранить? Он же призрак!

– Нет, – жёстко ответила тигрица. – Не иди на поводу на внешности. Это живые существа, Волк, и тоже живут благодаря Ка– резонансу. Для них он гораздо важнее, чем для нас, на то они и Бесплотные! Если хоть чуть– чуть нарушить баланс в их организме – начнётся распад. Я уверена, именно его мы и наблюдаем.

Волк тяжело дышал. Гнев ещё не отпустил его.

– И что теперь? – спросил он резко. – Простить?

– Нет, – Фршата посмотрела ему в глаза. – Спасти.

В рубке повисла мёртвая тишина. Учёный смотрел на экран, тигрица ждала решения. Внезапно Волк с силой ударил по подлокотнику.

– Спасай, – бросил он глухо. – Бери катер, резервную Ка– установку и лети. Если погибнешь – я воскрешу.

Фршата молча кинулась к лифту. Учёный закрыл глаза.

Больше никто не сделает смерть королём, подумал он.

Никто. Даже хищник по имени Волк.

Глава 10

Несколько дней пролетели как сон. Флэр и Шау'кхар выздоравливали, к парду постепенно возвращалась память. Фршата полагала, нейроны мозга не успели разрушиться полностью, и с помощью регенератора восстановились, в основном, как и раньше, сохранив большую часть информации. Флэр уже могла ходить, но оставалась мрачной и тихой. Несмотря на томографию, показавшую 100% здоровья как матери, так и зародыша, она очень боялась за ребёнка. Волк, как мог, утешал подругу.

Парды всей семьёй переселились в звездолёт. Никто не покидал корабля, защитные поля держали в готовности. После нападения кецев доверие к планете пропало у них начисто.

Самая тяжёлая задача выпала на долю Волка и Флэр: им пришлось объяснять Непернатому, почему спасённые кецы не могут вернуться в племя и должны жить на отдельном острове, лишившись способности к деторождению. Как ни странно, лемур сразу всё понял.

– Они несут опасность народу, – сказал пушистик, выслушав Волка. – Бесплотные тоже так говорили.

– Мне очень жаль...

– Ты не виноват, – Непернатый смотрел в сторону. – Ты желаешь нам добра. Я знаю. Мы хотели свободы, только, наверно, пока рано.

Флэр протянула руку, желая погладить кеца, но тот отступил.

– Не надо, – тихо сказал Непернатый. – Я не животное.

Он отошёл к дереву и забрался на ветку.

– Мы прогоним Бесплотных, – лемур обратил к Волку глубокие изумрудные

глаза. – Мы сами. Нам не нужны боги и мудрые пришельцы со звёзд, чтобы жить. Прощайте.

Флэр горько улыбнулась.

– Постой, – она расправила крылья. – Я ненадолго. Дождись меня.

Волк проводил подругу удивлённым взглядом. Флэр приземлилась у шлюза, забежала в корабль и быстро вернулась, держа что-то в руке. Непернатый терпеливо ждал.

– Возьми, – Флэр протянула ему яркий, красно-жёлтый плод. – Только не ешь, для вас оно ядовито.

Кец помедлил.

– Что это?

– Символ, – серьёзно ответила Флэр. – Символ свободы.

Непернатый заколебался, но гордость победила. Обхватив хвостом ветку, он свесился с дерева, схватил подарок и моментально исчез в листве. Флэр тяжело вздохнула.

– Удачи...

Волк обнял подругу крылом.

– Яблоко? – спросил он, прищурив один глаз.

– Признайся: во мне есть что-то змеиное, – Флэр выгнула шею и пропустила меж клыков раздвоенный язык. Молча улыбнувшись, Волк поднял любимую на руки и отнёс в корабль. С тех прошло пять дней, но ни один лемур не появился у звездолёта.

Волк, Флэр и парды целые дни проводили в беседах об открытии Ка-резонанса. Предстояло решить, что и в какой степени рассказать обществу. Замалчивать такое открытие было немислимо; но сделать его достоянием гласности, означало открыть путь к созданию совершенно неотразимого, наиболее смертоносного оружия в истории Галактики. Оружия, которое в полной мере заслуживало имя идеального, ибо уничтожало только жизнь, не затрагивая результатов её труда...

Волк собирался прервать свою ссылку и зачитать доклад на закрытом заседании Ногановского комитета межпланетной Академии наук; но никаких деталей

и тем более, параметров установки, раскрывать было нельзя. Вначале лучшим умам Галактики предстояло в полной мере осознать двойственность открытия Шау'кхара. Ведь его последствия трудно было даже вообразить.

"Известие о победе над смертью перевесит любые игры политиков, – писал в докладе Волк. – Вновь, как в начале ядерной эпохи Земли, цивилизация поставлена перед возможностью полного уничтожения. Защиты – нет. И не может быть, поскольку любой Ка– экран сам превратится в дестабилизатор. Нам придётся научиться жить в мире, поскольку иначе мы перестанем жить. Навсегда."

Он помедлил.

"Что принесёт это открытие? – продолжил учёный. – Вечную жизнь, или мгновенную смерть? Меня грызёт страх, звёзды, как же я боюсь... Что, если мы готовим для Галактики бойню? Перед моими глазами горит жуткая картина из сна. Ка– излучатели будут убивать мгновенно и совершенно безболезненно. Несомненно, появятся секты и религии "Сладкой смерти", фанатики будут с пеной у рта визжать о богохульстве, в ортодоксальных странах воскрешённые мертвецы на первых порах будут считаться гражданами второго сорта, а кое– где и животными. Убийство перестанет быть необратимым, а значит, число убийств возрастёт в геометрической прогрессии. Люди, и многие расы, подобно им не имеющие природных механизмов торможения, почувствуют свои руки развязанными. Появятся жуткие мясокомбинаты, где генетически модифицированных животных будут держать под искусственным Ка– излучением, непрерывно получая продукцию из их тел. Появятся преступники, в сравнении с которыми даже маньяки Земли покажутся невинными детьми. Перенаселение, хаос, паника среди обывателей и кошмары, сравнимые только с Катаклизмом, станут реальностью."

Волк тяжело вздохнул.

"Но с другой стороны, Империи придётся заключить с Конфедерацией мир. Необратимость смерти навсегда уйдёт в прошлое. Тысячи, гибнущие каждый день в катастрофах, от рук преступников или в несчастных случаях, перестанут уходить из жизни. Избежать перенаселения можно будет при помощи стерилизации воскрешённых, хотя это и дико... Но так мы сможем спасти в десятки раз больше жизней! Более того, мы сможем оживлять любые объекты. Не только органические.

Теперь, когда принцип Ка– поля известен, не составит труда проектировать машины, подобно живым клеткам находящиеся в самоподдерживающемся Ка– резонансе. Эти машины будут жить, а не просто функционировать. Развиваться, эволюционировать, мечтать и любить, надеяться и верить. Только получив власть над смертью, мы становимся хозяевами жизни. Жизнь, величайший феномен Вселенной, совершит могучий рывок в бесконечность. Скоро Галактика станет другой."

На миг остановившись, учёный взглянул в иллюминатор. Снова шёл снег. Где–то в лесах, Бесплотные продолжали жестоко творить разум, балансируя на грани между необходимостью и преступлением. Ведомо ли им чувство благодарности, или доброта? Кто ответит, имеют ли они право решать, кому жить, а кому умирать, даже если решение продиктовано заботой обо всей расе?

"Непернатый уже ответил," – подумал Волк.

Вздохнув, он напечатал последнее предложение:

"Закон сохранения энергии правит Вселенной. Сегодня мы открыли Закон Сохранения Жизни."

На миг зажмурившись, учёный откинулся в кресле. Шок и тревоги последних дней брали своё; Волк сильно устал. Но времени отдыхать не было. Предстояла гора работы, борьба с политиками и военными, выступления по Сети, опровержения обвинений...

Содрогнувшись при мысли обо всём этом, он открыл глаза. Встал, вышел из каюты. Прошёл через салон – там Флэр тихо беседовала с Шау'кхаром. При виде Волка оба улыбнулись.

– Как вы? – спросил учёный.

– Лучше, – отозвался пард. Он выглядел заметно помолодевшим; Ка– установка благотворно влияла на организм.

Флэр с напускным весельем легонько помахала крыльями.

– Я уже в норме, Волчонок.

– Ко мне вернулась большая часть памяти, – добавил Шау'кхар. – Я вспоминаю даже наш с вами разговор на берегу моря, почтенный Волк.

Учёный заставил себя улыбнуться.

– Мы давно перешли на "ты".

– Да? – пард смутился. – Простит... Прости.

Флэр развернулась в кресле.

– Ты весь светишься изнутри, – заметила она. – С колебаниями покончено?

Волк помолчал.

– Я боюсь.

– Мы тоже, – фыркнула Флэр. – А смешнее всего, что Шау'кхар, автор открытия, о нём позабыл. Ему – то легко...

Тигр смущённо отвернулся. В салон вошла Фршата.

– О чём беседуем? – спросила она мрачно.

– Волк принял решение, – сообщила Флэр. – Мы расскажем.

Серебристая тигрица криво усмехнулась.

– Да? А я так не думаю.

Волк вздрогнул:

– Что случилось?

– Вы смотрели вчерашние новости? – вместо ответа спросила Фршата.

Все переглянулись. Стараясь не нервничать, Волк откинул крышку на подлокотнике дивана и нажал кнопку дистанционного управления сетевым терминалом. Свет в салоне убавил яркость, противоположная стена обратилась в громадный голографический экран.

– Хэдлайн за вчерашний день, – подсказала Фршата, усаживаясь на ковёр. Волк молча последовал совету.

На экране возникла красочная заставка Имперской Службы Новостей, бравурная музыка заполнила салон.

– Здравствуйтесь, товарищи! – энергично начал диктор, чьё изображение синтезировалось из тысяч маленьких звёздочек в углу экрана. – Сегодня произошло знаменательное событие: был раскрыт заговор, свивший паутину в самом центре

Империи. Подробности – в специальном репортаже нашего корреспондента, но вначале краткая сводка важнейших галактических новостей.

Заставка за крыльями диктора сменилась картиной цветущего луга. В небе чёрными треугольниками мчались эскадрильи.

– Главная новость сегодняшнего дня: раскрыт заговор недалёковидных политиков, поставивших под удар престиж Империи. Также в программе: победа Флота над силами Конфедерации в секторе 28, захвачен экипаж крейсера; ещё одна молодая цивилизация изъявила желание вступить под крыло Императора – встречайте доблестных жителей системы Змееносца; двадцать девятый Защитный Корпус рапортует о панике на вражеских планетах Ригель– 11 и Ригель– 12, жителям предложена безопасность в обмен на выдачу федеративного командования; восстание в столице Конфедерации беспощадно подавлено, десятки жертв; общественность требует повторных переговоров о перемирии. Переходим к подробностям.

Шау'кхар удивлённо фыркнул. На него никто не обратил внимания.

– Предлагаем вашему вниманию специальный репортаж нашего корреспондента на Дракии, известного публициста Блэйка Шайна о главном событии дня.

Картинка за крыльями диктора сменилась видом величественного серо–стального дворца, возле которого в небо вздымалась угрюмая чёрная башня. Живописный парк простирался вдаль от камеры, тихо шуршали фонтаны. Несколько сородичей Волка стояли под деревьями.

– Здравствуйте, товарищи, – корреспондент оказался довольно молодым и угольно– чёрным. Говорил он с мрачным надрывом в голосе. – Как вы знаете, полгода назад Военным Советом Империи было принято решение об изоляции двух колоний системы Брутала, предавших нашу страну в самый тяжёлый период боевых действий...

Флэр стиснула руку Волка. Учёный нервно дёргал хвостом.

– ...прямое нарушение указа Императора. Тайно, с помощью коррумпированных офицеров флота, эти предатели поставляли оружие и боеприпасы на изолированные планеты, готовя их к восстанию. Человек, доблестный воин, раскрывший заговор, любезно согласился дать интервью нашей программе.

Экран заполнило размытое на пиксели лицо. Узнать говорившего было невозможно; но при первом же звуке его голоса, изгнанники одновременно вскочили.

– Де Вилль! – вскрикнула Флэр. Волк вцепился когтями в диван.

– Я работал начальником охраны на (бииип) в секторе (бииип), – рассказывал между тем "доблестный воин", – и видел, как это началось. Руководство базы во главе с известным учёным Аррстаром вступило в сговор с резидентом Конфедерации. Они продавали врагу секретные сведения о расположении нашего флота и стратегических объектах Империи...

– Подлец! – прошипел Волк. Флэр стиснула его руку.

– ...мне удалось помешать заговору и сообщить о нём в столицу. Но Император поступил слишком гуманно, приказав всего лишь выслать Аррстара на отдалённую планету. Там, пользуясь своей природной хитростью, предатель продолжил подрывную деятельность. Вот лишь некоторые последствия его работы...

На экране замелькали картины разрушенных заводов, сожженных полей, разбитой техники. Флэр задохнулась.

– Планета Ирулан, – прошептала она. – Из системы Брутала...

– Они хотят повесить это на вас, – спокойно объяснила тигрица. – Видимо, так с самого начала и было запланировано. Расправиться с планетами и обвинить во всём шпионов Конфедерации.

– ...самое ужасное в этой истории – судьба мирных жителей, – печально продолжал Марк де Вилль. – Разве можно обрекать целые народы на голод и прозябание ради жалких политических интриг? Империя гордится, что с начала войны ещё ни разу не применяла силу против гражданских. Но в Конфедерации считают иначе. Их агенты, такие как Аррстар, обеспечивают врагу свободный пролёт в сердце нашей страны, где варвары убивают жителей и жгут посевы. Но на этом предатели не останавливаются – они распространяют гнусную клевету об Императоре, пытаются обвинить нас в преступлениях против собственного народа! Прочтите листовку, которую рассылал предатель Аррстар крупнейшим учёным Империи.

На экране возникло подлинное воззвание, составленное Волком. Но полоска света тут же выделила нужные фразы, оставив за кадром всё остальное:

– "Император – убийца и жестокий деспот" – с чувством продекламировал де Вилль, умолчав, что следующим предложением в воззвании стояло "но нельзя противостоять насилию с помощью насилия".

– "Боритесь с Императором!" – ("...не оружием, но разумом")

– "Вас поддержат все планеты Конфедерации" – ("...и Империи, независимые расы и торговые союзы, все разумные существа, жаждущие мира")

– Создадим Альянс! – ("...миротворцев")

Волк царапал пол в салоне. Флэр и парды молча смотрели на экран.

– Мерзавцы... – шептал учёный. – Мерзавцы!

– Ты хочешь передать им наше открытие? – иронично спросила Фршата. – Подарить этому де Виллю самое совершенное оружие в истории?

Волк с рычанием обернулся:

– В Империи мало таких, как он! Я уверен, император не в курсе: он деспот, но не подлец. Я доберусь до него, и мы ещё посмотрим, кто тут предатель!

– Очнись, рогоносец, – тигрица насмешливо помахала хвостом. – Император такими мелочами не занимается. Его уже два месяца нет на Дракии – ищет сына в тринадцатом секторе. Тебе объяснить, куда он пошлёт тебя с твоими обидами?

– Волк, – Флэр встала перед мужем, заслоняя экран. – Она права. Мы должны бежать. Немедленно. Пока мы живы, вся эта история может выплыть на поверхность, и многие головы полетят. Нас уничтожат, любимый.

– Император никогда так не действует, – упрямо возразил Волк.

– Верю, – кивнула Фршата. – Это для него слишком заумный ход. Скорее всего, вас подставил в своих целях кто-то помельче и поизворотливее, вроде этого генерала де Вилля...

– Генерала? – хрипло переспросил Волк. – Совсем недавно он был майором.

Фршата усмехнулась.

– Это вчерашние новости. В сегодняшних объявили о повышениях во Флоте. Только представь; Император возвращается домой, где его ждёт отчёт о блестяще проведённой работе. Планеты Брутала обезврежены; Конфедерацию все ненавидят; предатели выявлены. А где же сами преступники?

– Убиты при попытке к бегству, – подсказала Флэр. – Волк, хватит быть

мечтателем! Мы уже давно не в сказке!

Учёный с хрустом обрушил кулак на подлокотник.

– Я не побегу, – прорычал он. – Мой корабль справится с любым крейсером, который против нас пошлют. Они хотят видеть Волка Аррстара предателем? Увидят!

– Волк! – Флэр схватила его за крыло и рывком развернула к себе. – Я не хочу умирать второй раз. Я хочу ребёнка!

Когти Волка процарапали в полу глубокие борозды.

– Флэр, я...

– Больше не динозавр– одиночка, – оборвала она. – У тебя есть семья. Думай о нас!

Волк отвернулся. В салоне повисла напряжённая, взрывоопасная тишина. Несколько минут никто не говорил; Флэр и Фршата ждали решения капитана, Шау'кхар молча за ними наблюдал. Наконец, с силой втянув воздух, Волк заставил себя смириться. Огонь в его глазах погас.

– Надо улететь с этой планеты, – процедил он сквозь зубы. – Прямо сейчас. Пойдём в обычном пространстве до кометного облака Оорта, это даст несколько дней отсрочки. Завершить дела можно и в пути.

Он вскочил.

– Шау'кхар, Фршата – вы с нами?

Серебристая тигрица дёрнула хвостом.

– У нас нет выбора. Если остаться, здесь скоро будет некуда ступить от солдат и боевой техники. Бесплотные, кецы, рептилии – всё это погибнет. А хуже всего, они могут наткнуться на лабораторию и повторить открытие...

Она обернулась к Волку:

– Мы с Шау'кхаром вернёмся на Ферр. А вам лучше исчезнуть из Галактики до конца войны. Но и то, и другое, придётся делать с шумом. Волк, любой ценой надо отвлечь внимание от Оррокана!

Учёный кивнул.

– Хорошо. Предупредите детей. Я погружу ваш дом в грузовой отсек, чтобы не терять времени на сборы. Не смейте даже подходить к шлюзу, понятно? Флэр, за мной!

Подруга с тревогой заглянула в глаза любимого, но возражать не стала. Они быстро направились к шахте лифта.

В рубке мирно светились экраны и призрачные контрольные пульта. Заняв место пилота, Волк в первую очередь заблокировал все выходы из корабля. На внутренних мониторах были видны парды, собравшиеся в кают– компании.

– Команда в сборе... – пробормотал учёный. На миг он испытал острую горечь, вспомнив о Непернатом, которого оставлял наедине с Бесплотными. Но кецы действительно стали разумной расой. Они хотели собственной жизни.

Глубоко вздохнув, Волк запустил двигатели. Громадный звездолёт почти бесшумно поднялся над землёй. Двигался он стремительно и ровно; всего за шесть секунд домчавшись до космодрома, где одиноко стоял домик пардов, корабль завис над ним, словно чудовищная, сплюснутая поперёк оси движения гора. Вихри от полёта столь огромного объекта закручивали тучи в спирали.

Чтобы не тратить время, Волк навёл на дом негатор инерции и коротким гравитационным импульсом подбросил жилище Шау'кхара в воздух. Силовой манипулятор мягко подхватил падающую конструкцию, погасил кинетическую энергию. За несколько минут дом Шау'кхара был погружен в грузовой отсек "Молота Прогресса".

Гравитационный импульс стёр космодром с лица земли, превратив его территорию во вспаханное поле. Не двигая корабль с места, Волк проделал то же самое на острове в ста километрах отсюда, уничтожив все следы опустевшей лаборатории. Больше его ничего не удерживало на планете Оррокан. Купол, где они с Флэр провели несколько счастливых месяцев, так и не стал им родным.

– Команда, доложить о готовности, – приказал Волк.

Флэр в кресле второго пилота опустила на глаза очки виртуального зрения.

– Я готова.

– Мы тоже! – послышался голос Фршаты. На экране было видно, что парды уже перешли в салон и заняли места в креслах напротив холопанели. Упускать зрелище никто не хотел.

Волк глубоко вдохнул:

– Поехали... – он рывком довёл тягу двигателей до предела.

Звездолёт рванулся ввысь. Сверкающая молния прочертила в небе огненный след, отделив прошлое от будущего, указав путь в бесконечность. Вопль пробитой насквозь атмосферы сопровождал отлёт.

Внизу, среди деревьев, маленький пушистый зверёк без перьев проводил богов долгим взглядом. В его блестящих изумрудных глазах светился разум, молодой и пыливый, наивный и бессмертный. Придёт день, и в свет этот вольётся блеск далёких звёзд.

Непернатый осторожно понюхал яблоко.

Конец

Закон сохранения жизни.....	1
Глава 1	2
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4.....	25
Глава 5	33
Глава 6.....	42
Глава 7	49
Глава 8.....	56
Глава 9	67
Глава 10.....	76